

СМЕНА

3

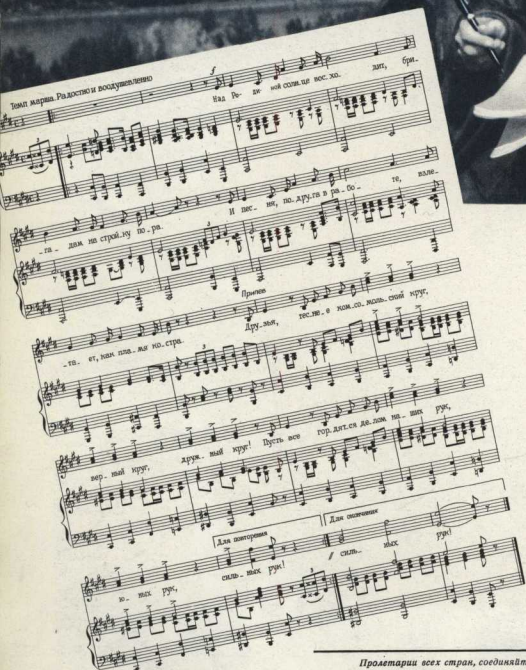
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Слова Н. СИМАКОВА.

Музыка Н. КУТУЗОВА.

Над Родины солнце восходит.
Бригадам на стройку пора.
И песня — подруга в работе
Взлетает, как пламя костра.

Припев:

Друзья, теснее комсомольский круг,
Верный круг,
Дружный круг!
Пусть все гордятся делом наших рук,
Юных рук,
Сильных рук!

Живет в нас рабочая хватка.
Нам радости нет без труда.
Мы иници раскинем палатки,
Чтоб завтра росли города.

Припев.

Грядущего светлое здание
Мы строим не ради похвал.
Великую страсть созиданья
Нам Ленин родной завещал.

Припев.

Над Родины солнце восходит.
Бригадам на стройку пора.
И песня — подруга в работе
Взлетает, как пламя костра.

Припев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Февраль, № 3, 1959 год.

Год
издания
36-й

Фото А. Скурихина.

С. А. КОВПАК,
дважды Герой Советского Союза

НА РЕШАЮЩЕМ РУБЕЖЕ

ЗАМЕТКИ ДЕЛЕГАТА XXI СЪЕЗДА КПСС

Э то произошло в прошлом году на Всемирной выставке в Брюсселе. Знакомясь в Советском павильоне с материалами, рассказывающими о величайших достижениях советского народа в области культуры, старый американский ученый-экономист особенно тщательно рассматривал произведения Маркса и Ленина, изданные в нашей стране. Одному из стоявших рядом советских писателей американец сказал:

— Я начал изучать книги ваших теоретиков. Приходит время, когда нам, буржуазным экономистам, необходимо знакомиться с их трудами. Если не ошибаюсь, это Ленин разрабатывал вопрос о возможности построения социализма в одной стране!

Получив утвердительный ответ, американец продолжил:

— Как раз эти труды меня и интересуют. Я поставил целью решить, правда, пока еще теоретически, проблему, которая со временем может стать актуальной. Речь идет о возможности, как вам сказали, ну, сохранения, что ли, капитализма в одной стране...

Этот маленький, но значительный по своему глубокому смыслу эпизод мне вспомнился, когда я слушал доклад Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

«В исторических победах стран социализма воплощена великая преобразующая сила идей марксизма-ленинизма, освещающих народный путь к миру, демократии и прогрессу, в светлое будущее всего человечества», — сказал Н. С. Хрущев. Этим великим идеям, нашей новой грандиозной программе дальнейшего продвижения по пути к коммунизму и американским политическим деятелям противопоставить нечего. И стоит ли удивляться, что перед заокеанскими экономистами встает новая сложная проблема возможности сохранения капитализма

Первый секретарь ЦК КПСС. Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев выступает с докладом о монстральных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы.

хотя бы на их земле! Безусловно, нет. История работает на нас.

Все мы, делегаты съезда, а также многочисленные зарубежные гости, с огромным вниманием слушали доклад товарища Хрущева, и перед нами не только предстало во всем своем величии близкое будущее Советского государства, но и как бы оживил страницы героической истории Коммунистической партии, ее борьбы за построение социализма в нашей стране, борьбы за коммунистическое завтра.

У меня за плечами большая жизнь, и я не скрываю счастья, горд тем, что с первых дней Октябрьской революции состою в рядах Коммунистической партии. Я был делегатом двух предыдущих съездов партии. Коммунисты Советской Украины в третий раз оказали мне большую честь, избрав своим посланцем на внеочередной XXI съезд КПСС.

И я не могу без волнения говорить о событиях, происшедших в нашей стране за трехлетие, истекшее после XX съезда. Радостные перемены в жизни каждой республики, в каждом городе и деревне, в любой советской семье. Везде, во всем ощущаем мы заботу партии о росте экономического могущества страны, неуклонном улучшении жизни народа.

Незадолго перед съездом мне довелось совершить поездку по моей любимой Суэщине. Я побывал в тех самых местах, откуда наше партизанское соединение в годы Отечественной войны начинало знаменитый рейд по тылам врага от Путьяля до Карпат. И, как всегда бывает в таких случаях, встреч с боевыми друзьями — беседами ветеранов партизанских походов — воскресили в памяти много дорогих имен и событий...

Однakeды после боя мы принимали в пар-

В первом же заседании XXI съезда партии происходили интересные встречи и оживленные беседы. На снимке: член Президиума ЦК КПСС Е. А. Фурцева среди делегатов съезда.

Фото С. Гурария.

Секретарь ЦК Французской компартии Жан Дюжо и глава делегации Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мин беседуют с делегатом съезда звеновой колхоза «Красный пахарь» Е. А. Кулыновой.

тно лучших комсомольцев отряда. Собрание проходило на лесной поляне.

Один за другим поднимались юные бойцы и давали трудовому клятву с честно и честно познать звание коммуниста, под непоколебимым красным знаменем. Беспокойно уничтожать гитлеровцев. После того как мы, старые коммунисты, поздравили молодых с вступлением в партию, наш замечательный комсомолец Семён Васильевич Руднев, главу на красном знамени, дерево которого было прикреплено к столу, сколоченному из патронных ящиков, сказал:

— Великий русский учёный Климент Аркадьевич Тимирязев накануне Октябрьской революции написал своему знаменитому статью «Красное знамя». В ней он защищал трудящихся, разоблачал их злейших врагов. Тимирязев говорил, что трудовой народ избрал своим символом красное знамя потому, что красный цвет лучше всего символизирует просветительную силу человеческого разума, единение между силой знания и мощью труда.

Эта беседа о красном знамени, проходившая в партизанском лесу много лет назад, пришла мне на память тогда, когда пишу эти строки.

Неисчислимые бедствия стране, величайшие страдания народу принесла война. В её огне погибли миллионы людей, огромные материальные и культурные ценности, были разрушены многие города и села. Но одного врага не мог добиться: уничтожить нашу любовь к партии Ленина. Отчаяние, покаяние, монологность наших рядов под неподобным красным знаменем!

Большой, славный путь прошла страна за послевоенные годы. Многие наши города, подобно Сталинграду и Севастополю, стали сел и деревень буквально родились вновь. Кто дал людям силы возродить их из пепла? Партия!

Огромные достижения нашей страны в развитии экономики и культуры. Восстановлено разрушенное врагом, мы сумели за очень короткое время значительно превзойти довоенный уровень развития промышленности и сельского хозяйства. Неизмеримо выросли наши культурные богатства, неуловимо идет вверх уровень жизни народа. Кто дал нам силы свершить такие величайшие преобразования? Партия!

Огромная организаторская работа Коммунистической партии и ее Центрального Комитета помогла подойти к принятию небывалого по своим масштабам семилетнего плана строительства коммунизма в нашей стране.

Внимательно слушающая на съезде в каждую цифру, названную выступившими делегатами, я мысленно представляла, какой еще более прекрасной станет наша Родина через семилетие.

Здесь, в Большом Кремлевском дворце, вспомнил мне такой на первый взгляд обычный а наши дни фант. Правительство Цейлона обратилось к Советскому Союзу с просьбой поставить комплект машин для раскиски друиной, на месте которых предполагается разбить плантации.

Просьбу выполнили. Машины выпустил Челябинский завод строительных и дорожных

машин. Сейчас они успешно раскисают джунгли. Пройдет совсем немного времени, и цейлонцы будут на этих землях выращивать богатые урожаи, а благодарностью вспомянут уральских машиностроителей.

А давным-давно Владимир Ильич Ленин мечтал о ста тысячах тракторов для полях нашей страны! Ныне миллионы отечественных сельскохозяйственных машин работают не только на необоронимых колоссальных нивах—тысячи советских тракторов увидят на полях многих зарубежных стран.

XII съезд КПСС рассмотрел и утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1957—1965 годы. Решения съезда имеют историческое значение. Это разветвленная всесторонняя программа деятельности партии и народа на ближайшие годы, программа, пронизанная заботой о человеке, его благе.

Известно, какой огромный резалх приняло в стране предсъездовское социалистическое соревнование. В те дни по инициативе комсомола родилось новое патристическое движение молодежи: многие решили жить и трудиться по-коммунистически.

Сейчас, после съезда, когда советские люди, воодушевленные его решениями, приступили к реализации семилетнего плана, борьба за коммунистическое отношение и труду принимает повсеместный характер. На заводах и фабриках, в колхозах и совхозах растут ряды бригад коммунистического отношения к труду, стремясь к тому, чтобы страна наша изюа дня в день умножала материальные и духовные богатства, изюа дня в день крепла и расцветала все краше. Многочего ждёт наша партия, народ от молодежи в грядущем семилетии. Быстро пройдут эти годы, и страна наша пожинет обильные плоды труда коммунистических бригад, всего нашего народа.

Иногда тот или иной паренек или девушка спрашивают, что такое коммунистическое отношение к труду. В связи с этим мне бы хотелось привести здесь рассказ известного парка-новатора нашей страны Героя Социалистического Труда Василия Яковлевича Карасева, с которым мне неоднократно приходилось встречаться.

Незадолго перед съездом партии В. Карасев поехал в Горький, чтобы поделиться опытом своей работы. Рабочий одного из заводов обратился к нему с вопросом:

— Товарищ Карасев, что вы считаете главным в своей работе и оценке вашего труда? Кто-то из присутствовавших, решив опередить Карасева, ответил:

— Денежное вознаграждение!
— Не знаю, — говорил Карасев, — в шутку это было сказано или всерьез, но я отвечаю на это так: «Конечно, от того, что мне полагается как изобретателю, я не отказываюсь. Но не это главное... Чтобы вы меня поняли, расскажу случай, который произошел со мной на другом заводе вашего города. Иди по цеху и види — работает паренек нашими фрезамы, то есть теми, что создала бригада изобретателей-ирировцев. Подожми и спрашиваю: — Где ты взял эту фрезу?

— Брат из Ленинграда прислал, — отвечает он.

— А что это за фреза? — допытывается у него.

Парень удивленно посмотрел на меня и говорит:

— Неужели не знаете? Да это все Карася придумал...

Вот вам и ответ на вопрос о том, что я считаю главным в оценке моего труда. Главное: это чувствовать, видеть, что ты полезен своему народу, своим товарищам.

Вот образец подлинно коммунистического отношения к труду. Проще простого рассказ об этом знатный ленинградский новатор, и, пожалуй, мне добавить к сказанному ничего. И я глубоко убежден в том, что каждый изобретатель всегда будет добиваться производственных побед, при условии если он будет относиться к труду так, как прославившийся ленинградский токарь Карасев, — с любовью, сознанием своего долга перед партией, народом, страной.

Много у нас замечательных молодых людей, героическим трудом которых можно гордиться наша великая Родина. Они есть среди горняков Донбасса и металлургов Рустави, машиностроителей Урала и шахтеров Карагандинского хребта Украины и позолотителей хлопководов Узбекистана и животноводов Туркмени, лесорубов Карелии и плотников Карпат.

Я люблю нашу бойкую и энергичную, честную и искреннюю, любознательную молодежь. Глядя на моих молодых соотечественников, постоянно общаясь с ними, наблюдая за их благородными делами, мужественными поступками, я проникаюсь в них, чувствую еще большую любовь веры в то, что все под силу; и реки обуздать, и целину покорить, и космосом овладеть.

Много замечательных свершений в нашей стране, и впереди идет молодежь.

Совсем недавно на заседании ученого совета Института горного дела Академии наук СССР с большим интересом был заслушан доклад бригадира скоростной проходческой комсомольско-молодежной бригады шахты № 66 комбината «Тузлуган» Героя Социалистического Труда В. Кочетова о скоростных методах провозки горных выработок. Бригада Кочетова за месяц прошла 1 670 погонных метров штрека.

События комсомольского горняка об успехе руководимой им бригады вызвало всеобщее восхищение ученых. Ее достижение признано мировым рекордом.

Широкой известностью в стране пользуется 5-й Комсомольская долина Челябинска, на которой трудятся комсомольско-молодежная бригада старшего горного К. Герасченко. Подлинно самоотверженный коммунистический труд бригады прославил ее среди всех доблестных бригад.

В поисках новых путей совершенствования трудовых процессов, повышения производительности труда, разрывов экономики средств и материалов о результатах, имеющим большое народнохозяйственное значение, пришел совсем еще молодой двадцатилетний инженер Анатолий Соколов. Это по его инициативе на Харьковском станкостроительном заводе при изготовлении опок применили новую технологию, которая даст херьковскому станкостроительству два миллиона четыреста тысяч рублей экономии. Сейчас имя рационализатора Анатолия Соколова известно на всех предприятиях индустриального Харькова. Молодой инженер с любовью говорит: «Наш миллионер».

Сила наша в том, что в большой трудовой советской семье новаторы не одиноки, новаторами выступают целые коллективы цехов и бригад, заводов и фабрик, министерств и ведомств. Молодежь отдаст свой вдохновенный труд целине и шахтам, новостройкам химической и энергетической промышленности, она преуспеет в сельском хозяйстве и науке, везде, во всех отраслях нашей экономики и энергии, творческая мысль и талант комсомольцев и молодежи.

Сила нашего государства в том, что труд советских людей подчинен одному: укрепление и обогащение нашей страны, систематическому улучшению жизни трудящихся.

Юные ленинцы передают съезду пионерский привет.

В первый год семилетия мы вступили с выходящими достижениями, о котором не перестает говорить весь мир: запущена советская межпланетная ракета, ставшая первой в мире искусственным спутником Солнца. Много еще побед впереди у нашего народа в предстоящем семилетии, и мы глубоко верим в то, что еще не один раз он увидит мир в успехах во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры.

Наша славная семилетка начала свой победный путь. Так будем же достойными бойцами героического трудового фронта страны, званием исполнителями воли партии, воли народа, начертанной в семилетнем плане!

В небольшой статье трудно рассказать о тех великих задачах, какие поставила партия перед народом в семилетнем плане. Но одно мы твердо знаем: план будет с честью выполнен. Поручая этому героический труд всего советского народа, его высокая коммунистическая сознательность, чувство долга перед Родиной. Все пути, все дороги в жизнь открыты нашей молодежи, но самые почетные — трудные. И стоит ли удаляться тому, что величайшую гордость испытывают наши пионеры освоения целинных земель или строители крупнейших в мире гидроэлектростанций, те, кто сооружают новые города, прокладывают в глухой тайге железнодорожные магистрали и автомобильные трассы, создают новые машины или совершают новые научные открытия.

Недавно, во время встречи с молодежью одного из районов Киева, познакомился с паренком. Вид у него был неказистый, годов ему — не более двадцати. Разговорились. Когда я спросил, где он живет, паренек с каким-то особым чувством ответил:

— В собственном доме.

— Как в собственном! — переспросил я.

— Да очень просто. В большом пятиэтажном доме. Когда его строили, я был каменщиком. А стали заселять дом и мне дали в нем большую комнату. И сейчас это было с такой гордостью, с таким чувством собственного достоинства, что в ту минуту мне показалось: более счастливого паренка, чем этот, на свете нет.

А ведь подобный примеров в нашей последней жизни много! Мы как-то смиклись с ними, они стали привычными в нашей стране, а если разобораться в них глубже, то лишний раз убеждаешься в тех поистине грандиозных преобразованиях, какие происходят в нашем государстве. Это строю, и создаю, а хозяйникою любимой Отчизны! Как прекрасна эта гордость, свойственная нашему советскому человеку!

Вот почему, мои молодые друзья, я обращаюсь к вам с советом: не пугайтесь трудных дорог, шлите их, настойчиво преодолевайте препятствия, и тогда жизнь ваша, цели ее будут куда более светлыми, чистыми и прекрасными, нежели тогда, когда будете избегать трудностей, искать, где можно только упорно «трудиться» только в неуверенной жемье знаний вы познаете всю красоту жизни. Будьте старшими, множите успехи любимой Родины!

Давая вам такой совет, мы, старики, твердо знаем, что будущее в ваших руках, и мы верим, что это крепкие, надежные руки! Коммунистическая партия окружена вас великой заботой. Так смело, уверенной шаг к заветной цели — коммунизму!

Заканчивая свое краткое обращение к читателям «Семилетия, я хочу напомнить вам слова Никиты Сергеевича Хрущева:

«Семилетие, в которое мы вступили, — это новый, важный, можно сказать, решающий рубеж на пути исторического развития нашей страны. Коммунистическая партия, весь советский народ исполнены твердой уверенности, что они возьмут и этот рубеж и выйдут на широкое плато, и тогда откроются новые просторы, тогда будет легче идти вперед. Перед нами ясная и благозвучная цель. Для достижения этой цели надо хорошо потрудиться. Такой труд возмещает человека, приносит ему удовлетворение и счастье».

Пусть эти слова будут вашим девизом в ближайшем семилетии, молодые строители коммунизма!

В добрый путь! Вас ждут большие дела, великие подвиги и свершения.

Влетает спол искр: в печь заливается «порция» жидкого чугуна.

Фото Г. Борисова.

БЕРУТ РАВНЕНИЕ РЯДЫ ШИРОКИЕ...

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

Виктор Шереметьев раскрыл толстую тетрадь на первой, совершенно чистой странице и задумался. Кто его знает, с чего начинать? Если бы это был обыкновенный личный дневник, достаточно было бы поставить число, месяц, год и для начала написать примерно такую фразу: «Сегодня я начинаю вести дневник...» А дальше — что хочешь. О себе, о друзьях, о прочитанных книгах... Даже о любви можно. А вот как начать дневник бригады коммунистического труда? И почему именно ему поручили ребята это нелегкое дело?

Виктор долго сидит над раскрытой тетрадью и наконец решает: это не просто дневник, это почти документ. Значит, начинать он должен с точной записи даты. И Виктор крепко, четко пишет в верхнем левом углу: «5 января 1959 год». Потом старательно обводит написанное еще раз и опять задумывается.

Написать бы этот дневник стихами! И чтобы не кустарными, а хорошими... Пожалуй, могла бы получиться поэма.

Но, к сожалению, Виктор не поэт, и от этой мысли приходится отказаться. Ничего не поделаешь, дневнику суждено быть написанным прозой. И даже не художественной.

Так с чего же все-таки начать? С собрания? Или только...

Оно было бы обычным и необычным. Как всегда — в красном уголке, как всегда — многолюдно. На собрание, кроме работников заводской многоотраслевой, пришел корреспондент городской газеты. Впрочем, это — явление обычное. Журналисты в первом мартовском номере бывают часто. Из Свердловска специально приехал секретарь обкома комсомола Кулинов... Это уже необычно: секретаря обкома в цехе еще не было. Но самым необыкновенным была новость для собрания: создание бригады коммунистического труда.

Не читали на собрании скучного, пространного доклада, не произносили длинных, заранее подготовленных речей. Рабочие говорили о коммунизме! И не лозунгами, не теоретическими формулировками, а очень простыми, очень теплыми человеческими словами. От этих слов будто растаяла туманная дымка, окружающая желтую, красную, но далекую мечту, и мечта эта оказалась совсем рядом. И уже не мечтой, а зримым, реальным будущим.

Сталявары, подручники, разнарядки испытывали настоящую гордость за коллектив своего цеха, который получил почетное право создать первую на комбинате бригаду комму-

Мастер цеха П. Пугачев и сталявар Ю. Зашляпин наблюдают за ходом плавки.

нистического труда. Гордость и ответственность! Поэтому, когда Борис Гребинкин от имени комсомола предложил присвоить почетное звание бригаде мартовской печи № 14, разгорелся серьезный спор. Один считал, что достояние коллектива десятой печи. Другие горячо доказывали, что самый передовой в цехе коллектив комсомольско-молодежной печи № 9 и оказавшие доверие надо именно ему.

Ты и другие были по-своему правы. Десятая печь два года подражала — в 1956-м и 1957-м — держала первое место среди сотен мартовских печей страны. Десятая «выступала ей на пятно», а последнее время все чаще и чаще стала вырываться вперед. У сталевагов десятой печи свои, особые, повышенные обязательства, и они борются за их выполнение соребизом с металлургами Магнитогорского, Кузнецкого комбинатов.

В разгар спора слова пополнили подурный различия Черныев и предложил не ломать колесо, а создать целую семью коммунистического труда, в которую вошли бы и десятая, и десятая, и четвертая печи.

Тогда уже поднялся секретарь комсомольского бюро Борис Гребинкин.

— Придет время, не только смена, весь наш комбинат станет коллективом коммунистического труда! — воскликнул Гребинкин. — А сегодня... Сегодня мы еще к этому не готовы.

— Работаем, что ли, плохо? — недовольно спросил кто-то из зала.

— Работаем хорошо, и еще лучше будем, — подхватил Борис. — Но ведь этого недостаточно, чтобы построить коммунизм. Сам человек должен стать лучше... Во всем лучше!

Бригаду коммунистического труда решили создать на базе коллектива четвертой печи — одного из самых достойных людским с других печей. О каждом «достойном» говорили конкретно и тут же принимали решение. Когда бригада была укомплектована, выработаны ее обязательства. Основные пункты обязательств гласили:

«Уровень производства, запланированного для печи на 1965 год, достигнуть в 1963 году. Довести к этому времени сьем стали с одного квадратного метра пода печи до 12 тонн в сутки (1959 — 1959, 1960 — 1960, 1961 — 1961). К 1963 году каждому члену бригады иметь образование не ниже среднего. Непрестанно повышать свои технические знания и умение в работе.

Быть активным в себе качества высококультурного человека с коммунистической моралью и нравственностью.

Каждой сменной бригаде печи выполнить индивидуальный план развития в области учебы, физкультуры, искусства с учетом личных стремлений членов бригады.

Рождение бригады коммунистического труда шумно приветствовали. Четверем сталевагам и двенадцати подурным — новому коллективу четырнадцатой печи — дали строгие требования. А представители десятой комсомольско-молодежной печи сталеваг Константин Досчатов, помимо приветствий и добрых пожеланий, сказал так, от чего все неосторожилось.

— Выдите, друзья, — добродушно и вместе с тем очень серьезно заявил он. — Мы ведь вам не уступим. Ни в труде, ни в учебе. От имени всей бригады говорю... Слово даем!

«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК — ЭТО ТЫ И ЕСТЬ, ТОЛЬКО В СТО РАЗ ЛУЧШЕ»

Через десять дней после того памятного собрания на четырнадцатой печи были выданы первые свидетельства тонизированной стали. И как выданы! Это — первый коллектив четырнадцатой печи поставил рекорд, сварив сталь за 8 часов 28 минут вместо 10 часов 10 минут по норме. Сьем стали с каждого квадратного метра пода печи составил 14,69 тонны, тогда как средним сьем стали этой печи составляла 10,59 тонны.

Светлая, обозначенная сверхплановые тонны стали цифра росла с головокружительной быстротой: 342... 610... 1 000... 1 370...

Трудно было определить, как из четырех сменных бригад работала плавка. Да никому

и не нужны были эти «определения». Даже сами сталевагары.

Вот как «обладал здоровьем!» Юрий Зашляпин принимал плавку у техиз Юрия Писюненок, вел ее, выпускал скоростной, производил завалку следующей, вел и сдавал Якову Калининскому где-то в периоде кипения. Яков выпускал ее тоже скоростной и наивысшей плавку, замечая, которую приходилось уже бригаде Зашляпина. Бригада Образцова в этот день отдыхала. Потом она выходила на смену: набиралась сил, два дня отдыхала другая бригада.

Вот как «вертикально» стали были выплавлены мартовскими в первом цехе к концу 1958 года. И в эти тысячах — звонкая, прочная сталь из скоростных плавки бригады коммунистического труда.

— Был такой день: пришли ребята с четырнадцатой печи к парторгу цеха и спросили: — Как нам теперь жить свою работу, Василий Иванович? Посоветуйте...

Василий Иванович Писмянетный хорошо знает эти парней. Все они не только работают, но и учатся. Три дня в неделю ходят ко в вечерней школе, и еще на курсы в институт. Они правильно строят свою жизнь.

Василий Иванович внимательно посмотрел на них, усидил и просто сказал:

— Ну, что ж, полагать вместе... Но помните, что это означает: вы должны хотеть взять от жизни больше, чем брали до сих пор. Но как?..

Они рассказали парторгу о своих планах, мечтах, наклонностях, увлечениях. И сообщая договорились об интересных совместных занятиях, походах, прогулках. В зависимости от личных наклонностей одни решили серьезнее заняться музыкой, другие — научиться фотографировать, третьи — вернуться к забытым в последние время спортивным занятиям. Кроме того, они решили, на одном живящем в городе историко родного города, очень интересном своим прошлым. Причем изучать серьезно, с помощью работников местного краеведческого музея.

В музее Виктор Шереметьев поехал на той же неделе, объяснил там работу бригады. Научные работники искренне обрадовались, что могут помочь. Они подготовили краткий курс популярных лекций. Читать их будут и в музее, демонстрируя при этом экспонаты, включая редкие документы, и в цехе, и даже, возможно, где-нибудь «на природе». Например, беседа о дамбовом крепостном Ушкове, самоучке-гидростроителе, можно провести на Черништинском пруду. Пойти туда на выходные дни, познакомиться с устройством массивку. Устроить за строительство этого самого и еще одного пруда с плотинами и прочими гидросооружениями хозяин заплачет... рубль!

Именно в Тагиле появились первые русские трубкари! И об эти людях интересно узнать. Тем более что дело рук их и сейчас живет: дымят трубы Старо-Тагильского металлургического завода, являющегося теперь маленькой частью огромного комбината.

Так и в парторге, где, как вы видите, интересное, осмысленное стало «менера самодеятельного оркестра» в квартире Образцова. Собираются у Тимофея Евфимовича подурные из его сменной бригады, приходит сосед по лестничной клетке Юрий Зашляпин да еще приходят кто-нибудь из своих подурных. Все вместе разужают хорошие песни, говорят о музыке.

— Можно записать в обязательствах пункт о повышении производительности труда, об учебе в комсомольско-парторговской библиотекой отношением к собственной спеловке. Можно потом проверить эти обязательства. А как быть, если человек берет на себя обязательство быть лучше, чем он есть: добрее, правдивее, строже, тверже, может быть, даже... нежнее? Как записать это? А главное, как проверить?

Быть может, поэтому, что проверить такое обязательство существующим на сегодня методами невозможно, оно и не заложено в перечень обязательств бригады коммунистического труда печи № 14. Но оно есть! И так же, как все другое, это негласное обязательство выполняется.

Парни с четырнадцатой печи стали крепче дружить, чаще встречаться в свободное от ра-

боты время. Вместе с женами и детьми они ходят в театр, ходят в гости друг к другу на чаше. И еще в тефери дни рождения товарищей, или безразлично только из здоровья и настроения. Они становятся лучше, щедрее душой...

Однажды во время беседы по тезисам доклада товарища Крушева на XXI съезде партии кто-то из комсомольцев задавал Писмянетному такой вопрос:

— Василий Иванович, здесь вот сказано, что одной из задач, которую необходимо решить для превращения коммунизма в жизнь, является задача формирования нового человека. Как это понять? Кто это такой — новый человек?

Писмянетный тогда улыбнулся и сказал: — Новый человек, дружище, это ты и есть, только в сто раз лучше. Там ведь, в тезисах, как сказано: Перед нами стоит задача... Он взял газету и прочитал подчеркнутый красным карандашом абзац: «...решительного улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повседневно их коммунистической сознательности в активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, в духе соблюдения высочайшей приверженности к новому обществу».

Об этом разговоре быстро узнали в цехе, и простая, полушутливая фраза парторга о новом человеке стала крылатой. И теперь, когда на четырнадцатой печи заходит речь о том самом обязательстве, которое трудно записать и совсем невозможно проверить, кто-нибудь непременно скажет:

— В сто раз лучше — это уже к концу семилетки. А пока мы, пожалуй, на ноль целых и пять десятых лучше стали...

И скажет не шутя, в вполне серьезном.

Так течет жизнь у парней с четырнадцатой печи. Но разве все это запишешь в дневник? Да и нужно ли!

Вспомнишь, задумавшись. Где-то на улице зашел песик. Далекая, едва слышная, она постепенно приближается, растет. Виктор вслушивается в звонкие ребячьи голоса и догадывается, что по улице идет пионер.

Песня плещется под окном, ее хоронит, светлая слеза встает в ямку в раскраску форточки. Виктор сразу вспоминает привал:

Мы являем делем мечты далекие,
В стремлении и в надежде претерпел.
Верту равнение ряды широкие,
Ряды коммунистических бригад!

«Очень хорошая песня», — думает Виктор. — Можно эти слова записать ко всему нашему дневнику поставить...»

— Он танцует к ручке, но в дверях внезапно появляется Юрий Зашляпин. В его бригаде Виктор работает подурным.

Писмянетный — читает и слышит Юрий.

— Думую, — отвечает Виктор улыбаясь. — Так и не знаю, с чего начать: с собория или с обязательств! Или, может, с того, как все вместе у Федя Барашева в гостях были! А то можно сперва об всех ребятах рассказать: как каждый работает, учится... Ты как считаешь?

Юрий loudly улыбается, шурит газету: — Я считаю, начать надо с телеграмм! — С чего-то? — не понимает Виктор.

— Начнем наш дневник с телеграмм, — весело говорит Юрий, — которую только что получили. Вот, читай.

И он вручает орошеваемому Виктору обыкновенный стандартный бланк.

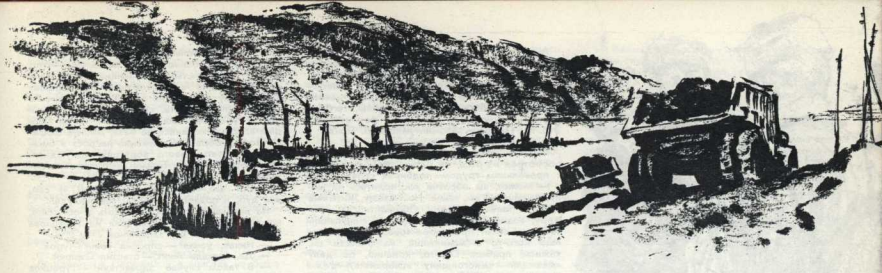
— Вызывает бригаду печи № 14 на соревнованиях — читает Виктор — члены бригады коммунистического труда металлургического завода имени Сталина Застенкин, Говоров, Шевченко, Назаров, Курепетов, Федюк, Федорин, Феоктистов. Город Сталино. Так... Ура, ура — Виктор поднимает на Юрия сияющие глаза.

— А мы им ответим: вывоз принимаем! И еще что-нибудь напишем... хоршее.

В дневнике бригады коммунистического труда да появляется первая запись.

Эльза БАДЬЕВА

Ниже-Тагильский металлургический комбинат.

Много, неисчислимо много рассеяно по земным просторам Советской державы городов и сел, рабочих поселков и хуторов, станиц и крошечных деревушек. И каждый поселенец имеет свою историю, свой, сложившийся иногда за многие сотни лет уклад, свои обычаи и житейские особенности. По-разному выглядят старинные русские города Углич, Муром, Ростов-Ярославский, Лыпын, да, скажем, украинское село Гинвань ничем не схоже с приисейским Обегинским.

Да и люди живут по разным городам советскими неодинаково: скажем, коренного сибиряка не спутаешь с минералогородцем, а потомственная уроженка Ленинграда по всем статьям отлична от дивчицы с «лица Полтавы».

Однако за последние десятилетия все больше и больше появляется на советской земле поселенцев, совсем молодых по возрасту, но по росту быстро обгоняющих многие старые города. Они, эти «малдычки-богатыри», не имеют еще собственного лица и характера, и хотя и являются уже и живут уже на всю страну, жизнь в этих на глазах разрастающихся поселениях пока что бурлит довольно беспорядочно.

Очень нелегко дело — снять десятки тысяч людей и инвентаря, и материал, и сырье, оторвать, собрать эту разношерстную и разнородную рать в районе одной новостройки, обеспечить жильем и харчами, обувкой и одеждой, работой и весельем, а главное, что, безусловно, всего труднее, — объединить в одно стремление.

Но жизнь свое берет: с течением времени большинство новоселов, кто только, а иной и помимо собственного желания, оказывается втянутым в центростремительный и по-настоящему массовый азарт такой, к примеру, всеобщей народной стройки, как Волжская. Да разве сможет советский человек — а молодой, увлекющийся и поддано — остаться равнодушным свидетелем, когда такие же, как он, люди добит и превращают в цемент и щебенку огромные скальные отроги гор, отодвигают «в сторону» русло могучей и сверенной реки, рассасывают и переронют по стальным трубам на новое «местожительство» целые острова и отдели, монтируют машины ростом в девятиэтажный дом, а весом и мощностью превосходящие раз в пятьдесят современный магистральный паровоз!

Чувства да и только!
От рассвета и до заката, не прекращаясь, а лишь затихая на ночь, властно возмывает на обихи берега Волги неуемная человеческая энергия. И в жестокое крепящееся море, когда звенящая россылью возвращается на землю пущенная в воздух из гидронитора водная струя, и под обжигающим кожку лучами июньского солнца десятки и сотни людей самых различных специальностей — начиная с молодой мальчишки на порталем кранов и кончая краемистым сапером-подземником — совершают поступки, истинное название которых — подвиг!

Правда, гидростроителей-старожилов, а вернее скаледат, зачинателей стройки (обойтись как следует люди еще не успели, а не то что «оспоржились»), удивить трудовой доблестью не является уже, поскольку шельма да и «молнии» начитались предостаточно. Но почти каждый свежеприбывший на стройку человек поначалу испытывает чувство

Юрий ЛАПТЕВ

ПАРФЕН И АНЖА

Рассказ

некоторой растерянности и почтительного удивления:

«Это же надо выдумать! Именно тогда состояние испытал год тому назад и Парфен Дядюшин. Но только в первые дни; а через неделю после прибытия на стройку Парфен, прочно обосновавшийся в кабине десятиэтажного самовала, приплывшего одновременно с ним, только не из Рязанской, а из Ярославской области, почувствовал себя хозяином положения.

«Это по нам!» Так Дядюшин и домой отписал в первом же письме.

«Хотя жить по здешним местам еще окончательно не наладилось, но жить можно. Квартирным мы, которые прибыли сюда по комсомольским путевкам, пока что в палатках армейского образца. Но к осени обещают перелезть в бараки. Ставят здесь, конечно, и настоящие дома — рубленые и трехэтажные кирпичной кладки, — поскольку на левом берегу намечено построить форменный город по названию «Светогорда». Но, думаю, в первую очередь по хорошему квартирам будут размещать начальство: ребята скажут, что на нашей стройке одних инженеров сгрудилось мало не тысяча. А в общем и целом большое спасибо вам, папаша, за работу родительскую и за то, что вы отпустили меня в хорошее место. Здесь, ежели поставить себе культурно, как вы мне наказывали, можно и заработать на весь обиход и жизнь свою определить.»

Специальность водителя и высокой шоферский класс Парфен Дядюшин приобрел в армии. А направление на волжскую стройку получил через четыре месяца после демобилизации в родном приискском городе при обстоятельствах для него несколько конфузных.

После возвращения за действительной в рязанские края Парфену показались как-то уж очень тесными и неказистыми и отчий дом в три окошка, и затопленное возделанный руками матери и сестер садик, да в весь городок с его узкими, почти сплошь немощеными улицами, расходящимися от площади в одну сторону, как растопырившие пальцы руки. С другой стороны площади шел спуск к приставкам и приречным складам. В старину эта площадь называлась Соборной, а при Советской власти была переименована в Первомайскую.

Менялись также и названия улиц и учреждений: Спасская улица стала Краснопролетарской, ушлоком стал райисполкомом, земская больница — клиникой имени Павлова, а ушедшие еще с купеческих времен безлопные и пузатые, как судкиги, избыбы были переконструированы в раймаги. Однако по-настоящему больша сдвигов в общественной жизни и домашнем быту жителей города не произошло. Объяснялось это тем, что и за время Советской власти в окрестных землях не было обнаружено месторождений полезных ископаемых, не возникло промышленных предприятий хотя бы областного значения, да и по слесовской котельной район был зурдранвалас подолгу в родных краях. Да разве усидишь в «кашишке», когда кругом, по всей земле советской — и на Поволжье, и на Дальнем Востоке, и на омоложенном Урале, и на неоглядной сибирской целине, и даже на своих полосух плавильных — непрерывно зарождаются все новые и новые «кишеразработки»!

Так что не было ничего удивительного в том, что и Парфен Дядюшин, отбывавший военную службу в котельной районской власти и вдоволь поколешивший по дорогам огромной страны, не сумел найти у себя в городке подходящего применения своей действительно неуемной силе. Правда, в райкоме комсомола сразу же предложили даже два места: поступай механиком в АТС, гдет — можем направить в райисполкомский аппарат: там дело не пыльное — будешь катать по району на легковушке.

Дядюшин выбрал второй вариант: только не потому, что его прельстила легкая работа, а просто за время службы в армии скопился парень по дому. На двоих дружной и согласной была семья Дядюшинских: и сам глава семьи Андрей Никитич, мастер на все руки и делатель райсовета, уважанный человек, и жена его Василиса Федоровна, женщина спокойная, могучая, чуть не на голову выше мужа, а уж труженица! И дочери: старшая, Надежда, этого год работает бурфетчицей в чайной при Доме колхозника — это по должности в мать пошла, — младшая, Любимича всей семьей Дашутка-шутка, оканчивая детистилату: первая по всему району кандидатка на золотую медаль и дальше учиться намеревается, на врачиху.

И все бы хорошо, да вот беда: то по родным местам да по семье тосковал Парфен, а вернулся домой — трех месяцев не прошло, как снова начал томиться парень непонятно по какой причине.

А главное, заскучал-то по-урному. Правда, и раньше с ним случалось, что выпивал Парфен: то с друзьями-приятелями гулял, то папаше составил компанию, но чтобы обиться до такого безобразия — это с Парфеном «приникло» — в первый раз! Втемяшались, вядите ли, парню в одуревшую от вина голову «поставил на поппа пивной ларек, поскольку пива там не оказалось. Ну и сразу шкатуку торговую толку набок выкинул с судорожной завядание предводителем артели инвалидов товарищем Гусевым.

Крик, конечно, поднялся неумеренный, суетня, свистки...

Рисунок Ю. Рауткина.

Потом милиция.

И тут Парфен вел себя неподобающе.

Вот ведь что оно, вино-то, делает! Даже вспомнить об этом человеку совести.

Но еще горше испытание пришлось выдержать на другой день, когда Парфен после ночной отсидаи прибыл домой.

Только занимался покоем, денег, но на улице народу было порядочно: мужчины на работу спешили, женщины — на базар. Ну и Андрей Никитич в аккурет направился к себе в мастерскую «Металлремонт»: он там слесарь.

Вот и получилось: Парфен, значит, к своей калитке подходит, а отец навстречу; можно сказать, лицом к лицу столкнулись.

— Здравствуй, папаша,— сказал Парфен. А папаша вместо того, чтобы ответить на приветствие сына, взял да и отхлестал Парфена по щекам, как мальчишку нашкодившего. Срам-то какой!

После этого Парфен и в дом заглянуть не решился; нетвердо ступая, прошел мимо крыльца в садик и как лег под обложку лица вниз, окрутив голову тяжелыми руками, так и пролежал, не шевелясь, часа три, пока досыта напалажившая мать не подослала к нему Дашутку-шутку.

А вечером Андрей Никитич подавал блудного сына к столу, убрал рядом с собой и сказал строгим голосом такие слова:

— Папунку да проходивших в роду Дядюшкиных никогда не бывало. И впрямь такого азорства у себя в доме не потерпело; сегодня получишь туфурно, а за другую раз истурчуй! Это ты, Парфен, запомни накрепко. Помня!

— Понято.

Парфен впервые поднял голову, виновато посмотрел на отца, на мать. Потом заговорил, с правильными трудностями подбирая слова:

— Может, вы обратно рассердитесь на меня, папаша? И вы, мама. Но... скажу. Жить мне здесь — полная скукота! Обожидите... К примеру, возля я вчерашний день в Нинульничин совете прокурора товарища Сарыча и еще кого-то в машинисте, из области он, какникс, прибыл. Он-то, конечно, по делу выезжал — самогонщицу искоренять, — а я... Кругом колхозники — кто на поле, кто на ферму спешит трудом выкашивать, — а мое дело какое: завел свою «Победу» в холодок и сижу на мягком сиденье, кардан своей грею. Жду. Полных четыре часа ждал, а чего дождался, спростите вы меня.

— Слова значительные! — сказал отец. — Через несколько дней Парфен, получивший в райком комсомла одновременно выговор и путевку, сел на теплоход «Григорий Пирогов» и поплыл вниз по течению Оки-реки.

А еще через месяц, уже вполне освоенный с новым местом жительства Парфен Дядюшкин решил «врезниться» одного из лучших водителей автоколонны, Анатолия Турецкова, которого шоферы за смуглявую наружность прозвали Толька-турок.

И по обожденно и по характеру своему — разбитному, напористому — Турецков был типичным представителем «беловойной» шферника. Школу водителей он окончил при таксомоторном парке в городе Одессе в 1941 году, перед самой войной. Но настоящий «класс» приобрел в годы войны, когда возил по фронтовым дорогам сначала Белоруссии, потом Прибалтики и, наконец, Пруссии навашиного штаба крутного машинистского соединения. Это была горячая работа: по собственному выражению Турецкова, он, «пока воевал, семь месяцев и днями».

И домой вернулся не с голыми руками: на трофейном «Импале» капитан протопил Анатолий Турецков по всем главным улицам города-героя Одессы к себе на Расвидяльскую.

Потом работал в таксомоторном парке — год и два месяца.

А потом...

Здесь в жизнеописании Тольки-турка образовалось своего рода «белое пятно»; во всяком случае, охотно живописую товарищам на работе отдельные этапы своей колпоритной биографии, о трех годах, предшествовавших его появлению на берегах Волги, Турецков почему-то умалчивает.

Только от шферского глаза разве урешивать в такт давая люди.

Конечно, не намерено это уловить осущестить. Но вот шофер Турецков и году не проработал, а уже его фотография красуется во втором ряду участковой доски почета. Даже удивительно: и работает Толька-турок в роду наводно, как некоторые кизинские старательные «вьяники», а как станет бригадир подбивать месячный итог, у кого больше «сеи» ездки! Опять у водителя самосвала «12-41» Анатолия Турецкова. По горючнице тоже солидарно записаны и машина год и машина года без капитали. Школой! Одес! Премиальных набегает дай бог каждому.

А комнату в одном из шести санях к Первомаю четырехэтажных домов кто получил?

Опять же Анатолий Турецков — один-единственный из двухсот восьмидесяти шоферов колонны.

Да, умеет жить человек! И не хочешь, да позадвужай.

Но если у большинства шоферов автоколонны — и особенно среди колпоритов — этот лоск, нахрапистый и знающий себе цену человек ходил в верховодах, то Парфену Дядюшкину стурки не понравились с первого взгляда. Может быть, сказало то, что влзоч у Турецкова был завышен: когда Парфен впервые появился на базе, многие шоферы хотя и обратили внимание на рост и богатырскую стать нового водителя, но подивились про себя. Ну, а Толька захотелось остроумничать:

— Вот это,— говорит,— Першерен! И сам, как дуб, и подвески, небось, как желуди!

На первый раз Дядюшкин хоть и обиделся, но смолчал. Только посмотрел на Турецкова пристально, как бы запомнил: а потом —

— Никак узнал? — спросил Толька-турок.

— Да, знавали таких,— ответил Парфен.

— В таком случае здравствуй! — Турецков подошел к Дядюшкину и протянул руку.

— Подозоривали. Гоголины уже нормальные.

Но когда Турецков спуска несколько дней довел насмешками до слез совсем молодого, еще по-щенячьему неслыдаю парника из Костромы Александра Шиничина, который не сумел самоостепениться в момент остановки в ночь машину, подоспевший на помощь своему напарнику Парфен сказал:

— Ничего, Саня, такое и с опытными шферами случается. Особенно в зимнее время. Машина, брат, — это дело тонкое, а наш «этиж» так сложился еще и не обиделся тут. Так что ты, первое время со стормом обращайся покакурите, вроде как с леной переводы, таким вот манером... Вот, вот. Ну, а турка этого — дай срок — мы с тобой придем в христианскую веру!

Однако выполнять это намерение Дядюшкин попомало совсем уже непредвиденное обстоятельство: влюбился Парфен. Да как! Будто взяла Анна Лихачева здорового детены за руку и соваля за собой, словно смешливого пацаничка.

Да встречи с Анкой Дядюшкин относился к женскому полу с некоторым пренебрежением: не по-хорошему сказалося ранняя связь Парфена с женщиной, а именно преевходящей его по возрасту, прилипчивой и бестыдной.

И в первое знакомство с Анкой Лихачевой приобщил неслыдаю как-то... Даже не хочешь Парфену вспомнить!

Дни в ту семокую пору стоили один к одному: сухие, знойные, — ни дождика, ни ветра. В один из таких дней, наматывшись и напарившись за смену в перегретой кабине самосвала, Парфен направился в «Перевисльскую» — так шоферы прозвали лесную столовую № 3. Столовая эта обслуживалась двумя походными кухнями, а кипящая вода представляла собой длинный навес над двумя рядами столов, протянувшийся вдоль северного склона горы Чепановской. Несмотря на примитивное устройство и полное самообслуживание, «Перевисльская» пользовалась у строителей большой симпатией: место тихое, тенистое. Дубы колосистые, спяно сбегают с горы на поляну, с вершин стурки, орешник разросся непролазной тропой, а поднимись чуток по каменистой стеной — родник бьет напористым фонтанчиком из-под скалистого выступа. Плясок ли в туюю жару келоснуться перед едой студеную водичку! И хозяина столовки, на вид простовато-благодушная тета Капа, всегда народ встречает приветливо, почти всегда постоянных посетителей знает в лицо, а кинюжки не имени.

Вот сюда и направился Дядюшкин. Однако, свернув уже с торной дороги на уютную доду до глиняτικής тропинку, Парфен передумал: разве дело сидеть за обеденным столом, а впереди — предвзвешивать комбинацию и не помышлять, как полагается? Нобос, в домашних условиях мать и в горницу не пустила бы в таком виде!

Тем более ребята — вот она, играв! И как это он раньше не пообразовал!

Надумав укуситься, Парфен всежале даже от одного предвзвешивания. Забил на минутку к себе в палатку, сменил комбинезон на легкие брюшочки и направился напрямик сначала через шраки «авражистый бор», потом сквозь прибрежные макосеки к небольшому песчаному танючку.

Однако на сей раз это украинное, давно облюбованное Дядюхиным для купания местечко оказалось занятым: две девушки, переминаясь, поспалили неподалеку от берега, две пары одинаковых босиконек стояли рядышком у воды, а выстриженные и уже успевающие подсохнуть — тоже одинаковые — ситцевые сарафаны и прочие детали девиного туалета были аккуратно развешаны на прибрежных кустах ивы.

— Как водичка, девочка, подходящая? — вселозаинтересовался Парфен.

Девушки дружно взвизгнули и, как по команде, погрузились в воду по самые подбородки, но отозвались не сразу. Переглянулись, потом одна сказала протестно: — Вода другая теплее. Только вы другого бережку сюда посмущайте.

— А здесь что, разве тесно?

Вообще-то у Парфена и в мыслях не было обидеть девчат. И он намеревался уже уйти в другое место. Но тут одна из девушек крикнула сердито:

— Ты, дядя, это дело брось!

— Что именно?

— Куниганичься! Вот что!

Это Парфену показалось уже обидным. И он решил досадить нахальной девочке. Грузно оседая в горячем песке, он пошел в тень кустарника, присел на полузанесенный песок, сплавив, нетерпеливо достал из кармана пачку папирос, спички.

— Ты уйдешь ай нет? — задиристо крикнула девушка.

— Уйдем со временем. Вот только папирску выкурю. А вы там ныряйте пока на здоровье.

— Ну, ладно, смотри, коли так, только не ослепни! Пошли, Оксана.

— Аня! Та ты сказавши, чи шо?

— Плавая! По мне, что это пераудорук, что вон тот пеня!

Анка Лихачева выпрималясь и, балансируя руками, пошла из воды.

Прошла мимо ошарашенного Парфена — очень строго и чистая в своей освещенной култанем нагоде, изогнутой, отжимая намоченные волосы, и начала одеваться, нарочитой нетерпеливостью подчеркивая свое презрение к Парфену, который сидел, боясь шевельнуться, и смотрел на Анку чуть не с ужасом...

После этого происшествия у Парфена Дядюхино разладилась вся жизнь; на работе не туда-сюда, а в свободное время часу не мог просидеть спокойно, но точно, как в шуточной песенке поется:

Потерял он покой,
На себя махнул рукой,
Ах, как трудно человеку
В ситуации такой!

Изо дня в день, с присущей ему упрямой настойчивостью Парфен обхаживал многочисленные общезития, часами дежурил около кинотеатра, дважды с трудом протолкался в клуб: один раз по поводу спектакля «Бесприданница», а на другой вечер слушал концерт: ансамбль волжских речников выступал перед строителями. Веселый ансамбль и программа разнообразна. Но когда Саня Шлыщин спросил своего старшего: «Ну, как, Парфен Андреевич, понравилась вам поста-

новка? — Парфена даже удивил такой вопрос: ни чегошенького он и не видел и не слышал.

И на танцплощадке Дядюхино появлялся неодинократно: купит билет, пройдет за загородку и стоит гдэ-нибудь в стороне, выделывая из толпы гуляющей молодежи и видом и мирной сосредоточенностью.

Это, братцы, характер!

Но, как обычно бывает в вистуации такой, и вторая встреча Парфена с Анкой получилась опять-таки случайной и тоже не совсем удачной.

День перевалил за полдень. Выбравшись из глубокого карьера, Парфен повел самосвал, груженный скальной породой, по пыльной дороге, проложенной вдоль берега от карьеров к котловану. Гнал на большой скорости, потому что решил до конца смены отметить еще две ездки у «Феньки-точкощницы» — так водители именовали утечицу — вертлявую, смазливую и смельше марты: кокетливую девушку Фанну, а по паспорту Федосью Маслакову.

Анка Лихачева шла в это время навстречу по петлявшей между редкими осокорями тропинке. Тоже торопилась по каким-то своим делам.

Как Парфен в такой суете и напряженности сумел усмотреть идущую сторонкой Анку, ему непостижимо.

Но увидел.

И сразу же, заглушая все звуки, по окрестностям раскатился рекующий удар тормозных колодок. Облако пыли, поднятое самосвалом Парфена, обогнало машину, а сам водитель, даже не выключив зажигание, равнудся из кабины калерезез девушке.

— Эй! Одну минуточку! Здравстуйте!

— Здравстуйте!

Парфен шумно, словно из кузнечных мехов, выдохнул, заговорил торопливо и радостно:

— Вот и хорошо! Месяц бы искал тебя, год искал, а все едино нашлась бы!

Однако девушке такая горячая настойчивость парня не обрадовала.

— Интересно, зачем это тебе понадобилось? — сказала Анка, недружелюбно рассматривая разгораченное лицо Парфена.

— Кабы я сам знал! — сказал Парфен и хотонул глупо и нектнати.

— В таком случае... до свиданья!
— Нет, обожди! — Парфен ухватил замасленную ладонью тоненькую руку девушки.

— Это еще что!

Да, опять встреча получилась не ко времени, да и место совсем неподходящее: солнце палит бесподобно, пыль, машины, рыва моторами, то и дело обзаывают брошенный среди дороги самосвал Дядюхины, за поворотом на лесном склоне две пилорамы визжат наперебой, словно перегруппуются, снизу доносится размеренное буханье — то паровые колеса загоняют в дно реки шпунтину.

— А как поживает подружка ашш! — спросил после паузы Парфен, на этот раз с неуместной галантностью.

— Скажи-то!.. Живет, что ей сделается!

— Понятно. А где, если не секрет, вы... «аириуете»!

«Кри что парню надо!»

— Обходите лес кругом, забирайте выше, там упретесь в белый дом, зеленая крыша... — засталила Анка язвительной скорогорной, но, взглянув пристальнее в густо запыленное пылью лицо Парфена, неожиданно обнаружила в его голубых глазах такое восхищение, робкое и виноватое, что решила смилостивиться.

— Эх и чудной ты! Не знаю, как...

— Парфен мое кичецо. Дядюхины Парфен Андреевич.

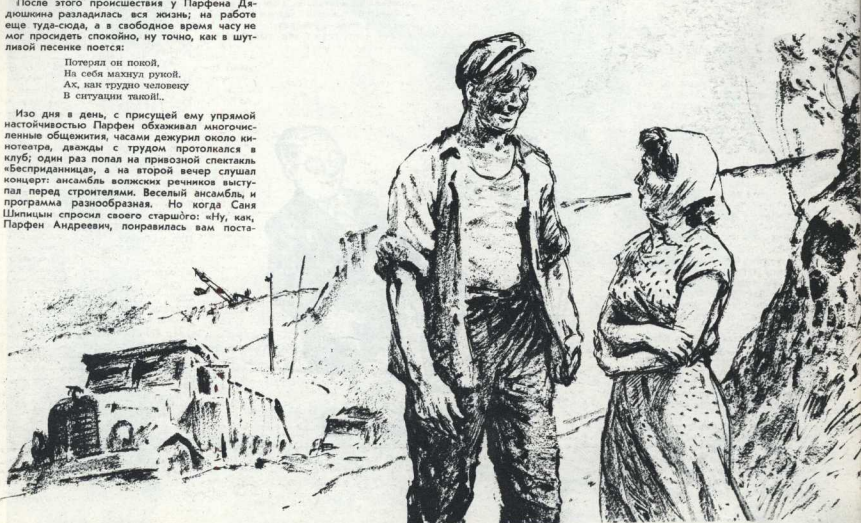
— Вон как! — Анка улыбнулась, взглянула в лицо Парфена уже со снисходительной заинтересованностью. И заговорила привалявее: — Нет у нас с Ксанкой никакого адреса, Парфен Андреевич.

— А как же!

— А так вот: где работаем, там пока что и живем. На плаву, «Поддубный» — небось, знаете такой земснаряд!

— Нет... честно признался Парфен, но тут же исправился: — Теперь буду звать!

И действительно в тот же вечер — а вечер был как раз субботний — Парфен Дядюхины появился на земснаряде «во вся» красен, улопая перед этим часа два времени на отшлифовку своей наружности.

тебе припомню это...

Подошел ко мне после смены Пашка, а лицо у него по-подозрительное, и в руках штангелей крутит.

— Бригаду создаем, — сказал он. — Это насчет коммунистического труда?

— Ага! — сказал Пашка — А с тобой нетрущипка получается, нельзя принимать тебя в бригаду... Все учатся, а ты не учишься.

— Так, — сказал я. — Не учусь... А почему нормы кто дает? Твоя бабushка?

— Ты мою бабushку не трожи! — сказала Пашка.

В щеле у нас чисто, соринки не увидишь, а тут я не удержался и бросил грязные концы прямо на пол.

— Ладно, — говорю, — я тебе припомню это, Пашка!

И пошел. Подхожу к табельной, а табельщина, будто и не видит меня, читает себе прескокойю книжечку.

— Долго мне ждать? — Ты куда спешил, на по- жар, кто ли?

Вспуил я голову прямо в окошко и зорал:

— В школу опаздываю! В первый класс! Ничего бואем мы считать, сколько будет дважды пять!

— Чего кричишь? — сказала табельщина. — У нас сто человек учатся, а грубостей никто себе не позволяет. Получи пропуск!

От цеха до проходной идти метров двести. Шагаю я по снежному насту, а Пашка с бригадой из головы не выхожу.

Завернул я на скверик; навстречу мне идет человек. Я его сразу узнаю: Сергея Данилина. Когда мы поравнялись, я сказал:

— Здорово, Сергей!

Данилин свернул на меня очками, поджал губы и стал вдруг похож на Пашку.

— А-а, привет!

— Ну, как дела? — спросил я.

— В аспирантуру принял, — сказала Сергея, махнул мне рукой и пошел дальше.

А я повернулся и долго глядел ему вслед. Так, разошлись, значит, наши дороги... Еще бы, техникуму стаа, институт окончили, что ем с рабочим листом точить! А насчет аспирантуры — это он нарочно сказал, чтобы меня подковырнуть.

Посмотрел я на Сергину спину еще раз и подумал: «Ладно, я тебе это припомню!»

красили ее, подремонтировали, даже дневной свет провели.

Проходил я всегда мимо школы, будто это пустое место. А сейчас взглянул на освещенные окна, и захотелось мне почему-то зайти на минутку, захотелось хоть краешком глаза взглянуть на наших здоровых заводских ребят, которые сидят за маленькими партами и скрипят перьями, как пионеры.

Заглянул я в коридор — пусто, светло, паркет надраен, словно в музее каком. Вытер ноги о подстилку и пошел на цыпочках.

А паркет, как нарочно, скрипит и скрипит, и каждый скрипок в сердце у меня отзвучивает. Даже чудно стало: чего это я боюсь? Нобось, не воротать пришел!

Остановился около седьмого «Б». Дверь притворита, заглянул в щель и сразу увидел Семена Семечича. Вот тебе и номер! Этот Семен Семечич мастером в моторосборочном цехе работает, а сын его, Петячка, в одной смене со мной токарят.

— Так, — думаю, — значит, Семен Семечич тоже учился?

А Семен Семечич заметил меня и подмигивает, улыбается. Чего улыбаешься-то? Хоть бы поборился, а то с селой бородой в школу пришел!

Тут как раз кто-то тронул меня за рукав. Я оглянулся: вижу, стоит человек в синей спецовке.

— Вы из какого класса? Опоздали?

— Нет, — говорю, — я не учусь.

Взял он меня за локоть и пошел по коридору. А по дороге сказал, что зовут его Павлом Иванычем и что он в этой школе заведующий учебной частью.

Мне было как-то неудобно молчать, и я тоже сказал, что работаю в механическом цехе уже девять лет, что я токарь седьмого разряда, а нормы выполняю на сто процентов процентов.

Зашли мы в комнату. Павел Иваныч положил на стол чистый листок бумаги, достал ручку, поставил чернильницу-неразливальку и спросил:

— Вы сколько классов кончили?

— Семь, — сказал я. — Это уже давно было.

— Придется заново в седьмой класс.

— Ладно, — сказал я.

Высокло у меня это «ладно», и понял я, что понаписал, как курво ши. Не хотел ведь я поступать в школу! А теперь никак не дешеньше, надо писать заявление...

Воздохнул и начал писать.

Сначала все получалось хорошо, но как только дошел до слова «принять», так задулолка. Черт его знает, какая бужа нужна после «эра»: «и» или «е»? Написал «е», потом исправил на «е». И опять задулолка...

Спринять? Неудобно...

А на сердце так хехорошо, так хехорошо, хоть сквозь землю провалиться!

— Нанисал?

— Нет еще, — сказал я.

Павел Иваныч подошел ко мне, стал за спиной и говорит:

— Равноше правильно было — «принять»!

Исправил ошибку, я сказал:

— Вы не беспокоитесь, Павел Иваныч, я вас не подведу. В ту-то-то-то пока что не сидел.

Вышел на улицу, набрал в ладони пригоршню снега и как трахнул в стенку проходной. Выскочил на ступеньки вытер и смотрит на меня подозрительно, а когда я ему пропуск показал, задержал пропуск в руке и говорит:

— А ну, гражданин, дмхните!

Я дмхнул.

Вздохнул в себя воздух, потом покрутил пальцем нос и спринул.

— Зачем снежки кидаете?

— Хорошо на улице зимой! Красиво. Принято хрустит снег под ногами. И воздух какой-то хороший. Воздохнешь полной грудью, и пойдет этакий холодок до самой последней косточки.

Не выдержал я, зашел в кондитерский магазин и купил торт за двадцать два сорок.

Открыла мне жена дверь и сразу говорит:

— Чего это ты разглагольствовал? Ничего я не отгадал, а самого обидя назвал. Будет, когда тортов домой не приношу!

Взглянул якоса на жену и подумал: «Ладно, я тебе это припомню!»

На первое был украинский борщ со сметаной. На второе Лиза сделала мясо с жареной картошкой.

После обеда принаписал все за свои дела. Я за газету взялся, а жена посуду собирает.

Почитал газету, потом спрашиваю у жены:

— Лизок, ты ведь семь классов кончила?

— Семь, — сказала жена. — А зачем тебе?

— Да так, — говорю, — все учатся, а ты не учишься!

— Не учусь... А кто за меня на работу ходит, борщ готовит? Твоя бабushка?

— Ты мою бабushку не трожи! — сказала я.

Загрела Лиза тарелками и ушла на кухню. А я опять развернул газету и стал читать насчет того, чтобы в институт государственного производства принимали.

Всю статью от корки до корки прочел. Правильная статья!

А Лиза не возвращается. Чего она как застряла на кухне? Прислушался, слыжу Лизу, слыжу Лизу, вышел в прихожую — опять тарелки загремели. Не хочет жена мряться!

Скучно мне стало, Заглянул к соседям, а там один школьник Мишка сидит, соседский сын, уроки делает.

— Где папка-то? — спросил я.

— В кино с мамкой пошел, — проубил Мишка и заскрипел пером.

Не интересовался я никогда его учебными делами, а тут захотелось поглядеть, какие ны уроки задают.

— Дай мне, — говорю, — свои тетрадки.

Раскрыл я тетрадку по русскому языку, а там двести аллелуки. Про мальчика и девочку, которые жили в лес за грибами и просили бабushку принять эти грибы в подарок.

Хорошо написала Мишка! Чисто, класс не выдал, буквички, как солдаты в строю стоят, все по рубрику.

И вдруг заметил я ошибку. Глянул в нее пальцем и говорю:

— Что же это ты пишешь: «Бабushка, просим принять от нас подарока? После «эра» чего надо писать?

Мишка подумал и сказал:

— После «эра» надо писать «и».

— Правильно! — сказал я. — Вот вырастешь большой, станешь учеником, грамотный — я тебе к себе в бригаду приду, ладно?

— Ладно, — сказал Мишка и переправил «е» на «э».

Рисунки В. Соловьева.

Если пружину можно назвать сердцем часового механизма, то маленький стальной волосок — нить каждой часовой Ксения Семелова, которую вы видите на этой фотографии, работает завивающим волосок на Паровом часовом заводе имени Гирова. Продукция этого предприятия — часы «Родина», «Москва» и другие — пользуется популярностью не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Работая Главной соколовой требует точности и высокого умения. Девушка отлично справляется со своими обязанностями, немедленно перевыполняет смежные задания. Бригада мастера П. А. Виноградова, в которой трудится Соколова, борется за право называться бригадой коммунистического труда.

Фото М. Муразова.

Чем встретит цалина?

НА ФОТОКОНКУРС

Фото А. Кошкова.

г. Горный.

ЮНОСТЬ

Мне бы так всегда — бежать куда-то
против злестяни,
бешеных ветров,
ночевать под пологом палаток,
под открытым небом у костров...

По желанию своему и долгу
от себя покой гоно опять...
Я хочу на Зае и на Волге,
на хребтах Тянь-Шаня побывать.

Легкий на подъемы и на сборки,
вот уже из дому вышел я...
Пусть меня уносит поезд скорый
в самые далекие края!

И не надо участя мне лучшей,
чем моя в размахе этих дней.
Мне бы реки глубже,
горы круче
да пути-дороги потрудней!

Евгений ГОЛЬСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТРОМАТКУ

Мои знакомые в один голос утверждали: — Самое романтическое время на Чукотке — зима! Только зимой можно увидеть Север во всей его суровой экзотике: пурга, собиная упряжка, северное сияние, дом, до крыш засыпанные снегом... Вот это да! А кто летом?

И я заранее жалею о том, что мне приходится ехать на Чукотку летом.

Маленький катер «Андрей», оставшаяся за кормой белой шлеф пены, подошел к берегу. Жарко пахло солнцем, и мне действительно показалось, что приехал я не поварем. На берегу кого-то встречали люди в белых летних рубашках и костюмах. Море плескалось почти у самой столовой. Начинался у памятника Ленину, адаль уходящая улица, застроенная деревянными домиками. Пожалуй, не обычного в ней только и было, что вывески магазинов на двух языках: русском и чукотском... Да красота! Вдоль брушчатых, контрастирующая на крышах домов. В остальном улица почти ничем не отличалась от улиц районных городов Центральной России. Вот маленькая вывеска «Андреевское педагогическое училище», затем яркая афиша, извещающая о демонстрации нового кинофильма. За раялами домов белели оцепкованные склады нушнина. Маленькая центральная площадь была пуста: только-только наступил рабочий день. В окое «Совената» продавались новые книги, журналы, окружну газету «Советская Чукотка». Мимо проплыл груженный углем «ЗИП».

За мостом через реку Казачку на горе высиды новый Андрей с большими двухэтажными домами. Часть из них была еще в лесах.

Эй, там, внизу, отойдя по дороге мусором зашпием — послышался веселый голос с чердака одного из новых домов.

Словом, все было так обыкновенно, что и почувствовал легкий колохот разочарования. Где же романтика? Может, и правда нужно приезжать зимой?

Но романтика началась с первого же знакомства.

Катя Никулина — невысокая тоненькая девушка с карими блестящими глазами — долго рассказывала мне о своей поездке в отдаленные оленевческие бригады колхоза «40 лет Октября». Рассказывала, и глаза ее светились радостью.

СТОЯЩИЦЕ ЧИТАЕТ БУКВАРЬ

Шестой день Катя в пути. Мерно таракит мотор вельботов. Вода в реке мутная, мутная. Когда впереди подытодит близко к берегу, видно, как веселые сбегают в реку Уркумкевом десятки рубейков. Вдольвопа вода, е тундры, и раздвигаясь она сейчас не меньше Андыря.

Весна! Ветер холодный, но какой-то удивительно свежий. И небо светлое, нежное. Радостно на сердце у Кати и немного грустно оттого-то. Ей хочется сказать об этом своей подруге, однокласснице Свете Овчинной, но та спит, свернувшись калачиком на самом дне вельбота. Брат Кати Валентин тоже спит, положив голову на сиденье.

«Что же они спят?» — спрашивается Катя. — Рулевой говорит, что скоро приедем... А хорошо было бы прямо на вельботе до бригады добраться! Сколько еще пешком по тундре придется идти...»

Вельбот поворачивает к берегу и, замедляя ход, зарывается носом в песок. От толчка Света и Валентин просыпаются.

— Приехали! — говорит рулевой.

Все трое жмут руки экипажу вельбота. Первым выныгивает на берег Валентин. Девушки передают ему ружье, рюкзаки с книгами и продуктами.

Как ни выбирал Валентин дорогу тундры, а лишь на пятый день добрался до бригады, где Света должна была проводить ликвидацию неграмотности. Катя расспросила ее по дороге — и оказалась в поругу. Оказывается, едет за Валентином. Ему-то хорошо, он оленезитник, привык ходить по тундре, а ей... За два года после ликвидации неграмотности, отвыкла от тундры. Так и хочется сесть на первую попавшуюся кочку.

Поздно ночью на шестой день пути они замечают впереди темные развалы ружья и ярянг. Звонко заявляли собаки. Из стоявшей в стороне палатки вышла женщина.

— Какоей? — вырывается у нее воцал удивления. — Заходите ко мне, наверное, устали.

Женщина постелила несколько шкур, дала Катя кусок холодной вареной колбасы. Немного закусок она попалавась и уже сквозь сон почувствовала, как кто-то снял с нее промокшие торбазы и прикрыл мягкими оленьими шкурами.

Проснувшись Катя оттого, что сквозь откинутый полотно прямо в лицо ей светило яркое солнце. Палатка была пуста.

Девушка выгнула наружу. У ярянг горели костры, суетились женщины, бежали чумазые ребята. Мужчин не было видно: они ушли со столом в тундру.

Катя встретила как знакомую. Хозяйка палатки уже успела рассказать, зачем приехала сюда эта студентка. Увидев Катю, женщины громко заговорили по-чукотски. Катя с трудом улавливая смысл фраз и только теперь поняла, что трудности пути — ерунда по сравнению с теми трудностями, и

которые еще придется преодолевать. Из семи женщин стоибица только две знали русский язык, а Катя была язычницей и почти не знала чукотских слов. Как объяснить?

— Первый день плавал с неудачей. Выбрав подходящее место, Катя разложила на траве тетради, учебники, отточенные карандаши. Переходя от ярянг к ярянге, с помощью Кзы объясняла женщинам, что она сейчас будет учить их грамоте. Женщины молча скребли шкуры.

Почему ты не идешь учить буквы? — спросила Катя пожилую чукчанку.

— Я старая, зачем мне твои книги? — прогрохотала Эйние и наклонилась над шитем. — Иди, дочка, не мешай.

От обиды к глазам Кати даже подкатили слезы. Ей захотелось уйти куда-нибудь далеко, спрятаться от всех и выплакаться наследа. Но она зажала в палатку и уткнулась на плечо Катя легла ласковой рука.

— Дочка, не плачь. Не обижайся на меня, не завидуй. Наши женщины не лезь. Ведь мы надо работать... Пообедаем вместе, дочка, а потом будешь читать свои буквы.

После обеда к Кате подошла Дина Нутерульгана.

— Дай мне тетрадь и карандаш.

— Зачем? Разве ты умеешь писать? — удивилась Катя.

— Да! Я закончила четыре класса. Только забыть буквы стала.

— Я тебе помогу, — обрадовалась Катя. — Идем со мной.

Они подошли к тому месту, где лежали учебники и тетради. Катя заметила, что трава была примята, учебники сложены в другом порядке. «Все-таки заинтересовалась», — подумала она.

Девушки сели на траву, и Катя начала первый урок. Она так удивилась, что не заметила, как подошла Оля Омриттына, дочь оленого из пастухов, и Эгтынуту, молодая жена Рульгачка. Произнося Дине несколько фраз, Катя дала ей маленькую записку по арифметике. Непонятно подкрался вечер. Катя закрыла учебник.

— А завтра вы придете на урок? — спросила она Оля и Эгтынуту.

Девушки кинули головами.

До позднего вечера Катя при свете жирника рисовала на листах бумаги большие буквы и цифры. Перечитывала и выписывала из учебника задания. Засыпая, тревожно думала о завтрашнем дне. Что же делать? Те программы и учебники, что она принесла с собой, совсем не годны для обучения в этих отдаленных и малограмотных. И всею одним старенький букварь Влоина! Да и там не хватает страниц...

На следующий день на занятия пришла уже четыре женщины. Старая Эйние по-прежнему сидела

на траве около ярянг и шила полог.

Катя показывала картинки из букваря, объясняла их содержание. Рассказывала о больших городах, о своей поездке в Москву. Иногда Кзы переводила, помогая Кате. Потом девушка показала, как писать буквы. Спрашивала: — Кто может назвать слово на букву «а»?

— Алкох (шкура), — отвечала Дина и радостно улыбалась.

— А ты, Омриттына? — обращалась Катя к Оле. Та от смущения вспыхивала, но отвечала: — Анаан (удочка).

— Правильно. А теперь запишите эту букву в тетрадь.

После занятий женщины шли меховой одеждой. Катя помогала им. Затем пошли готовиться к очередному уроку. Из палатки ей было видно, как женщины что-то оговорили объяснил Эйние.

На послеполуденных занятиях присутствовали уже все женщины стоибица. В стороне, взяв тетрадь и несколько карандашей, сидела Эйние.

Катя начала с арифметики.

— У пастуха было четыре своих оленя, — обратилась она к собравшимся. — Потом колхоз премировал его еще двумя оленями. Сколько стало оленей у пастуха?

Люб Эйние собрался в морщину. Она быстро выбросила из пересчитанную руку и другую с одним вытянутым пальцем: — Вот!

— Верно, Эйние! — сказала Катя.

Глава заметная улыбка тронула скатные губы чукчанки, и опять стало непроницаемым ее лицо.

Женщины, склонив головы над тетрадями, усердно записывали буквы, решали примеры. В конце урока Катя дала Эйние свой единственный букварь, чтобы та в свободное время просмотрела картинки и ознакомилась с буквами.

Утром, идя умыть Катя, она увидела букварь, валившийся на траве. Подняв его, она зашла к Эйние.

— Эгты, — поздоровалась Катя и показала глазами на букварь. — Зачем выбросила?

— Что ты мне смотришь лаешь? — зло крикнула Эйние. — Это не книга. Хуже плешинного пыжика!

Ничего не поняв, Катя молча вышла из ярянг. Ни утром, ни вечером Эйние на занятия не являлась.

Завал очередной урок, Катя подошла к Кзы.

— Тети Кзы, дайте мне мягкие торбазы и кухлянку.

— Тебе зачем? — удивилась Кзы.

— Хочу пойти в соседнее стоябище. Там у меня погулять. Идолое есть.

— Что ты, дочка: целые сутки пути!

— Я не боюсь... Дорогу найду.

Замок

В паровозном депо станции Ярославль-Главный комсомольцы на бригаде Николая Замкина и Николая Кузнецова, решив работать в жить по коммунистическим, но стараясь изобрести шпатель с инструментом.

Кто в нашем общепитие не был,
Вовек не узнают те
Ни вкуса утонченного хлеба,
Ни шумных сборов в тесноте.

Тут каждый сам себе начальник:
И в меру добр
И в меру груб.
На всю бригаду — медный чайник,
На весь пролет — пыхатый куб.

Висит в передней ночью рядом
Твоя спешенка и кот.
Тут комсомольская бригада —
Одна рабочая семья.

И не обидят тут двушнику,
Уберегут от грустных душ;
Тут комсомольская бригада
Для именинина костюм.

Споты на совесть — дерзко, звонко...
Что говорить, одна семья!

Ночью Катя вышла из стобитни. Солнце еще не взошло, но в туздре было светло: стоял сумрачный полярный день.

— Радостно встретила Катю подруга.

— Мои ученицы уже свои фамилии пишут. А твои?

— Мои тоже хорошо. Только бубарь у меня старый, страниц не хватает. Вот и пришла. Дашь мне один из твоих?

— Ну, конечно. Пойдем, отдохнем. Ты не спала, наверно?

— Нет, Света. Я пошла.

И Катя опять ушла в туздрю. До стобитни она добралась через двадцать часов.

Кэв всплеснула руками:

— Уже вернулись!

Катя вышла в ярангу к Эзние и протянула новый бубарь.

— Вот, тетя Эзние, читайте...

— Все пошло — по расписанию: по два часа утром и вечером — занятия, повторение, а потом — помощь женщинам в выделке шкур.

С радостью видела Катя, как чете становятся буквы в тетради Омрыттыны, как хорошо читает старшей бубарь. Кэв, как всегда, мостостательно пишет свою фамилию Эттышеут.

Однажды Катя проснулась рано. Над залевающей туздрой едва-едва поднималось солнце. Словоздатскую лампу утреннего тумана Катя различала вдалеке несколько человеческих фигур. Она подошла ближе. Сердце ее радостно забилось: увидевши в маленькой кружке, трое женщин внимательно слушаю, как Эзние медленно, по складам читала бубарь...

В ЖИЗНЬ ВХОДИТ НОВЕ

Словки и скалы, скалы и сонки.
Желтые, с каменными отвалими,

они будто сдвигаются ближе и ближе, оставая между собой узкую полоску воды.

Парход ходит в бухту Провидения.

Лет шестьдесят назад в самом тупике бухты на скалах появились первые домины, а после революции здесь была основана советская фактория. Собачьи и оленьи упряжки чаще стали появляться в поселке. Чучки, эскимосы из окрестных и дальних стобит приехали сдавать пушнину, моржовые клыки, шкуры и смотреть на электрические огни, которые впервые зажглись среди этих скал.

Человек постепенно отвыснулся от двух скал место и строил дома, клубы, магазины. И сейчас каждый, кто впервые попадает в бухту Провидения, с удивлением видит высокие, городского типа поселки, вытнувшиеся вдоль побережья.

Нет сейчас на Чукотке колхоза или поселка, где бы не стучали топоры плотников. Растет и равнинный планктон — поселок Провидения.

— Мы сидим с Иваном Майбородом в комнате общежития. Подвояемся с резкими чертами лица бригадира молодежной бригады «Провиденстрой» задумчиво.

— Разве вспомнить все, что сделали нами за пять лет? — говорит он. — Мы и бетонщики, и сантехники, и штукатуры. Стронки приехали, заканчивали объектив на триста метров, все без сантехнические работы на набережной Дежнева... Потом строили дома, основывали производство шлакоблоков, лесоматериалы подвозили. Все было. Ребята в бригаде хоть куда!... Сейчас первый на Чукотке водопровод заканчиваем. Оде-

А вот в цеху — своя масленка,
Свой молоток и дреп своя...

Висит у спешарей в бригаде

На каменной плите замок,
И на-то сразу гаснет радость,
Тускнеет дружибы огонек...

— Друзья! — сказал однажды утром

Наш бригадир, не прча жгута.
В цеху чурьны как кубы,
Неужто вьры среди нас!

Не запирайт бы инструмнты

Привички старой вопреки!
Доверие на сто процентов,
И к черту всякие замки!

В тот день шли вместе после смены,

Работу кончили точно в срок.
И каждый гордо и степенно
Кладовщину сдавал замок.

— Мы идем, как праздники средь буден,

Идем в стране у нас везенье,
На дверь замок мы вешать будем
От ветра, а не от людей!

г. Ярославль.

ваем его потепле в шлаколату. Морозы здесь, знаете, до пятидесяти, да ветерок, а все равно по полторы — две нормы ежесуточно даем... Вот взять Тарарьку. Сам маленький, а работу всегда шлет большую. Или Толя Тищинин и Вася Орлов. Они старожилы: четвертый год уже здесь... А главное, все в бригаде учатся: Иван Сасов на курсах шоферов, Боря Туманов на курсах трактористов, Тищинин в девятом классе вечерней школы. Сам я с образованием немножко поотстал, в шестой классе кожу. Ничего, еще догоню...

Майборода улыбаются:

— А ведь хорошо строишь, честное слово!

Почти такие же слова я услышал от Николая Энгильякута, чукотского юноши, ученика Провиденской строительной школы.

С ним и его товарищами я познакомился на стройке одного из зданий на набережной Дежнева. Шли отделочные работы. Ребята в темных комбинезонах старательно бетонируют карниз. Когда карниз был готов, они отошли и внимательно осматрели его. Увидев, что за ними наблюдают, они смущились.

— Получилось? — спросил один из них.

— Здорово! — ответил я.

Ребята привлекли заулыбавшиеся. Все они оказались учениками строительной школы и проходили здесь практику. Когда Энгильякут пришел из далекого колхоза «Полярник», Иультинского района. Там учился, потом работал мотористом вельботы, но колхозу очень нужны строители, и его послали учиться на штукатурку. Коле понравившаяся будущая специальность. Уже сейчас, после года обучения, он легко

выполняет штукатурные работы четвертого разряда. С разных мест: из арктического Яндракинато, с мыса Шелакского, на Анюй-ска — приехали чучки Гриша Ягирьян и Виктор Певранто, эскимос Петр Хальдегян. И каждый мечтает о том времени, когда он будет строить дома из своей суровой земли.

Но не всегда новое легко входит в быт чучек. Вот что произошло не так давно в поселке Яндракинато.

— Вот уже как Аренкуа молот курит трубку. Потом встает, отдает меховой полог и выходит.

— Отец, ты куда? — спрашивает Рипшев.

Из чоттагина¹ доносится визг шенка, попавшего, видимо, под ноги отту.

Широкими шагами Аренкуа спускается к самому морю. Бола подкатывается к его ногам и уходит, оставляя на торбазе хлопья грязной лены. Но Аренкуа не замечает. Он смотрит валь и шурит глаза. В прыгающих волнах показывается усага голуба нерпы.

— Плавай, плавай сегодня, — думает Аренкуа, — не до тебя...

Во всем Яндракинате не сыскать более смелого охотника. Много узнал Аренкуа от моря и радости и беса. На весенней охоте его вместе с тремя товарищами унесло на льдине. Больше суток болтались они в море, пока не приближился к берегу. Однажды раненый кит ударом хвоста разнес в шенки борт вельботы, но бригада Аренкуа все-таки добил кита.

Море! Аренкуа так привык к нему, что среди непрерывного шума мысли его становились ясные и четкие. Но сегодня и море как будто ничего не могло посоветовать старому охотнику. Он створнулся от бухты и посмотрел в сторону поселка. Его яранга, большая позвратил новенькая, вывешен², была видна даже отсюда.

— Нет, не соглашусь! — твердо решил Аренкуа и стал подниматься к поселку.

В двенадцать колхоза сидел один председатель.

— Тебе чего, Аренкуа? — повернулся он к вошедшему.

— Я пришел сказать тебе... медленно начал Аренкуа и запнулся.

— Знаю, знаю. Будешь строишь дом? — догадался председатель.

— Нет. Ильяни! Нет! Мне до не нужен. Я буду жить в яране.

Что ты товарищ! Передовой бригадир, участник строительства! Да и на общем собрании за это голосовал...

А сейчас переудумал. Мне и в яране хорошо. Тепло, сухо, жаренки греют. А дом что? Стены голые, как нерпышка шкура, углем топить надо. Соглашаться не хочу. Решил.

— Нет, так нет, — согласился председатель. — Только обстоит немного. — Он развернул на столе генеральный план строительных работ колхоза «Красная заря», ткнул пальцем в один из квадратов, обозначающих будущие уишы. — Вот здесь стоит твоя яранга. Конечно, дом мы построим, но отдадим его другому колхознику, а твою ярангу за счет колхоза переудумал в сторуку.

— Хорошо, — тихо согласился Аренкуа.

¹ Чоттагин — холонная часть яранги.
² В палатке — моржовые шкуры.

ПОДВОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

«Северный» направляется в океан.

Об этом разговоре он не сказал ни жене, ни сыну, а вечером ушел в море.

Утром сын Аренкау, Рыпель, как обычно, шел на работу: он возглавлял молодежную строительную бригаду.

Стоявшие у правления колхоза охотники, увидев Рыпеля, засмеялись:

— Рыпель, наверное, тоже в ярангу влюбился? А еще комсомолец!

Рыпель удивился:

— Почему в ярангу?

— Смотри-ка, делает вид, что ничего не знает! Отец твой отказался строить дом.

Будто вольной охотило Рыпеля, но охотки он не подавал.

Поздно ночью, когда Аренкау возвратился с охоты, Рыпель спросил:

— Верно говорят, что ты не хочешь строить дом?

— Да, не хочу.

— Позоришь ты меня, отец, перед всем поселком!

— Не указывая мне, как жить. Ты сам в яранге родился. И не мешай спать!

Но заснуть Аренкау не мог. В голову лезли ненужные мысли. Вспомнилось, как, став родившимся, умер от болезни младший сын, как тяжело было Рыпелю готовить уроки в яранге... Аренкау осторожно поднялся, надел куртку и вышел.

Визну привычно шумело море. Ни одной звезды не было видно на черном небе. Только краешек луны, как голова лобовитного быка, то выглядывая из-за туч, то прятался.

Аренкау присел на китовый вышек у яранги. Вслед за ним вышел и Рыпель. Он молчал, разговаривая с отцом. Охотки тубака звезда освещала усталое лицо Аренкау.

— Скажи, отец,— заговорил Рыпель,— разве ты хочешь, чтобы твои дети вспоминали о тебе плохо, чтобы они росли в душевной яранге? Ведь мои сестры ходят в школу, читают и слышат о больших домах. Они тоже хотят хорошо жить. Ты только подумай: давно уже моторные вельботы сменили байдарки, все охотники имеют дальнобойные винтовки, фельдшер лечит нас и наших детей... Яранги тоже пора менять.

Отец молчал.

— Ты хочешь жить старой жизнью? — в упор задал вопрос Рыпель. — Тогда ийду от тебя и буду жить новой жизнью.

Долго сидел на старом китовом позовике Аренкау. Тяжелые мысли набегали, как волны. И только когда на востоке посетало небо, он ушел спать.

Вечером кто-то постучал в дверь дома, где жил председатель. Илья открыл дверь. На пороге стоял Аренкау.

— Проходи, проходи. Опять пришел сказать, что не будешь строить дом?

— Нет, Илья. Долго я думал. Очень долго. Пусть на месте яранги станет мой дом...

С тех пор прошло больше года. Не зная чукотский поселок Ядраквот. Будто ожидал плач, который Илья показывал Аренкау. Вместо яранг уцеля добротных рубленых домов.

Слышите, стучат топоры? Это рубят бригада комсомольца Рыпеля. Он стал настоящим плотником.

Чукотский национальный округ.

Немало на земле таких мест, куда еще не ступала нога человека, не проникла пыльный взгляд исследователя. Суровые ландшафты Гренландии, тропические джунгли Амазонки, глубины мирового океана... А сколько неразгаданных тайн хранит беспредельный космос!

Но человек упорен в своем стремлении познать неизвестное. И вот уходит в сильные райсы корабли и самолеты, улетают в звездное небо искусственные спутники Земли и ракеты, на дно морей и океанов опускаются батискафы и гидроаппараты.

Недавно вернулся из небывалого арктического рейса подводной лодки «Северный». Созданный советскими корабле-

строителями, оснащенный новейшей аппаратурой, в ледяной стограсс в неизведанные глубины подводного царства Арктики. На ее борту находились работники Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии. Ученые исследовали глубинководную фауну, определяли температуру, освещенность и соленость, а также радионитивность морской воды в различных районах океана. Специальные приборы позволили просматривать с лодки поверхность грунта, брать пробы.

Исследования ученых помогут поставить на службу человеку несметные богатства, которые хранит Ледовитый океан.

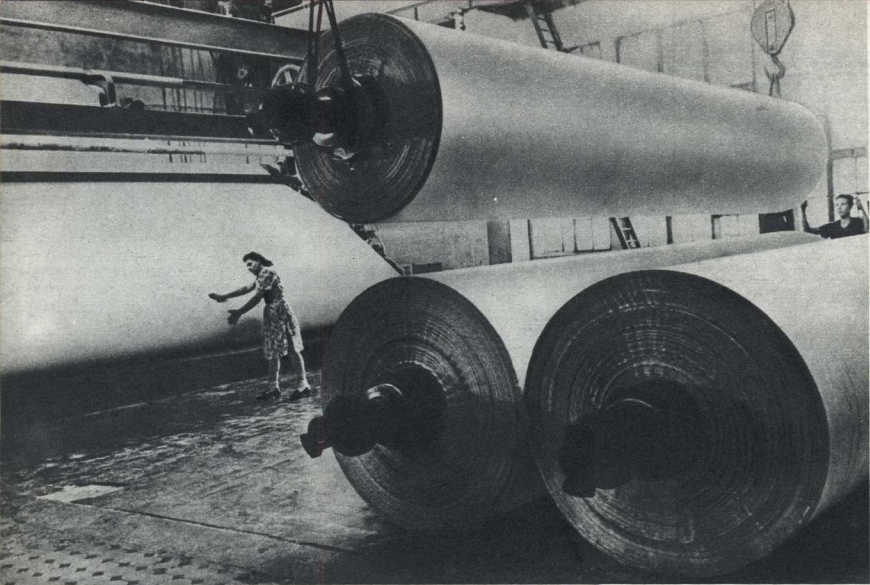
Арктический рейс, который продолжался двадцать четыре дня, коллектив «Северный» посетил XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Наш фоторепортер побывал на «Северный» в самый казул Нового года. На одном из снимков — группа ученых, участников экспедиции, у новогодней елки. Это, пожалуй, самая «глубинководная» елка из всех, которые когда-либо наряжались руками человека. И кто знает, может быть, недалекая день, когда вспыхнут огни и самой «высотной» елки — новогодней елки, зажатой руками советских астрономов на борту космического корабля...

Участники экспедиции у новогодней елки на борту подводной лодки «Северный»: в центре — начальник научной экспедиции В. Г. Анжика, элентрин С. М. Яблонов, научные сотрудники Б. С. Соловьев и В. П. Китаев; второй ряд — помощник капитана подводной лодки К. И. Смирнов, старший научный сотрудник К. П. Павлов, старший научный сотрудник Института морфологии животных Академии наук СССР Д. В. Радапов и специальный корреспондент «Огонька» В. Д. Крутин.

Ф. Д. Теминев.

Балахинский целлюлозно-бумажный комбинат. Подача рулонов газетной бумаги к резальному стану.

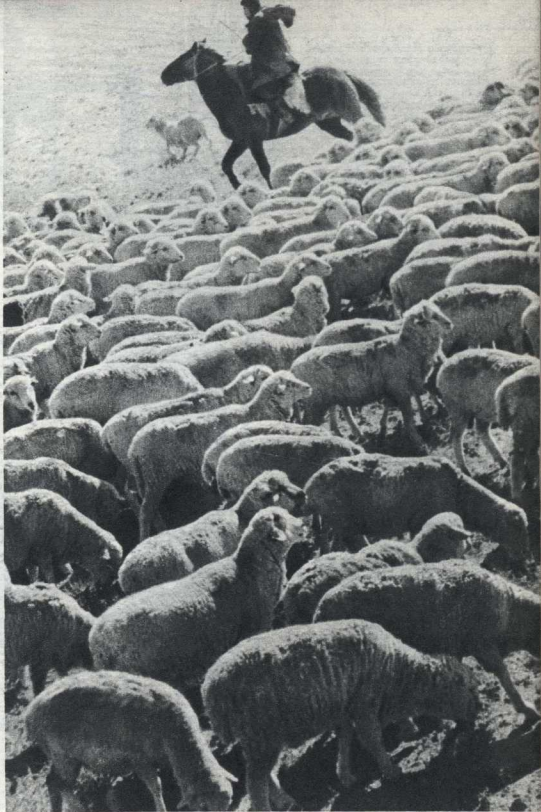
Фото И. Максимова,
г. Москва.

Немало ночей провели в горах у костра комсомольцы Ваденского района — Чечено-Ингушской АССР — участники агитпоездов. Десятки километров прошли они по горным тропам, выступая в самых отдаленных селенных районах с лекциями и концертами.

Фото И. Гричера,
г. Москва.

Перегон овец на зимние пастбища.
Фото Э. Чикова и И.
Г. Алма-Аты.

Спектакль начался.
Фото Г. Куруса.
г. Москва.

НАШ
ФОТО
КОНКУРС

У калитки возле большой двухэтажной дачи стоит Валя в модном сером платье. Облокотившись на перекладину забора, она сидит в конце узкой, заросшей зеленой улицей, откуда должны прийти Клава и Виктор.

Рыжеватые сумерки окутывают тенями дорогу. Из рожи напротив доносится музыка. Там, на площадке с деревянным настилом, под гирляндами электрических фонарей танцуют парни и девушки. Вале тоже хочется потанцевать, но она давно не ходит в рошу, считая, что в двадцать восемь лет ей гулять там неудобно, ни к чему: знакомые ребята давно пережились, а те, кто танцует, ей не пара: молодые.

Густой в вечернем воздухе, немного печальный мотив льнет над поселком. Он, словно паренье, но невешистой подруги по душе, словно бродит по улицам, тутучко рисуясь своей неприкаянностью. На сердце у Вали то ли от музыки, то ли от чего другого становится грустно-грустно, и ей хочется, закрыв глаза, куда-то лететь и лететь...

Почти тридцать лет она живет в этом поселке. Здесь родилась, выросла, здесь ее дом — большой, уютный, красиво заслоненный от взоров прохожих густыми кустами. Немало трудов пришлось положить ее родителям, чтобы построить этот двухэтажный дом.

Ради него отец не отказывался от частых уроков, а мать подолгу проставляла на толкучке с бидонами молока, торгуясь из-за каждой копейки. Ради него Валя оказалась поехать в деревню преподавать историю и теперь учитывает канцелярские принадлежности, метлы, ведра и разную тару в строительной конторе. А как же иначе? Дом построен для лес. В этом доме много комнат, много коров, хрусталя, дорогой мебели. «Ты помни, Валка, — повторяла не раз ее подружка Клава. — В такой дом счастье само должно прийти. Понимаешь, само!»

«Счастье... — думает Валя. — Что для него нужно? Построен дом с огромными верандами, разбит сад... Все сделано, чтоб оно было...»

На крыльце появляется мать Вали. Зябко кутая руки в меховую шапку, она подходит к дочери и молча смотрит на дорогу, потом спрашивает:

— Сарай, Валюша, закрыла?

Услышав утвердительный ответ, вздыхает и снова глядит на дорогу. В глазах ее, окруженных сеткой морщин, затаянная надежда, бесполое. Вале это бесполое раздражает, она напоминает, как недели две назад мать за чаем, не обращая ни к кому, сказала: «У теперешних молодых людей одно на уме — как бы время пролети да обмануть. Лучшее одной жить, чем маяться...» — и по-особенному посмотрела на дочь, но то почувствуя, не то оправдывая ее в чем-то, сказала что ж Валюша, давай спать, — говорит она, постоая еще немного.

Замирают шагающие шаги матери, хлопает дверь на крыльце, а Валя долго не может погасить в душе какой-то обиды. Ей вспоминается, что такое же озабоченное выражение было на лице у матери прошлой зимой, когда на Валя стал заматриваться командирочный. На зиму они всегда сажают второй

Вл. АНДРЕЕВ

В ВЕЧЕРОМ

Рассказ

этаж дачи приезжим. Один из них, среднего роста, крупнотелый, назвавшийся техником-строителем Иллей Рубабуем, в первый же день разговорился с Валей. Он расширял ее, когда окончила институт, как живет, и поочередно, узнав, что она работает не по специальности.

Как-то вечером они пили чай, он рассказывал о своих мытарствах, о том, что ему приходится бегать по разным учреждениям, чтобы добиться перевода в какую-то Барабу, где, по его словам, настоящий рай: строится по-

вый завод и буквально на голом месте вырастает город...

— Трудно будет вам? — спросила она.

— А чего трудного? Пустяки! — Он обвел взглядом комнату, заставленную дорогой мебелью, и добавил: — Роскоши, конечно, не будет, но зато как интересно!

Однажды Рубюев приехал раньше обычного и пригласил Валу в кино. Картина рассказывала о влюбленных, которые часто ссорились, но пустяками, а старый дед, вахтер учреждения, где работал парень, постоянно мирил их. Вале фильм понравился. Но Рубюев, выйдя из клуба, жестко сказал:

— Показывают же такую дребедень!

Валя промолчала, ожидая, что он еще скажет. Но Рубюев долго ничего не говорил. Они шли по улице поселка и, казалось, слушали, как скрипит под ногами снег. В домах светился огонь, было тихо кругом, где-то вдали лаяли собаки.

— Скучно у вас, — сказал он наконец. — Как вы терпите?

— У меня дом, — ответила Валя.

— Ну и пусть в нем старики жмут! — рассудил он. — А вам что тут делать? Даже работы по душе нет. Я бы на вашем месте давно бросил этот зямок. Он только жизнь заслонит.

— Куда же я денусь? — возмутилась Валя.

Он рассмеялся.

— Куда захотите... Взять хотя бы иши Барабу. Шаю там на веревках с осени оттреска — вот вам и работа, да еще какаля! Хотите, узнаю насчет школы?

Валя не ответила, только пошуртнула глазами. Рубюев, неожиданно взяв ее под руку, стал рассказывать о товарищах, которые все подались на восток, и снова поставил на то, что самого его все еще не отпускают.

— Но я все же добьюсь своего, хватит в конце концов строить водокачки! — закончила Рубюев возмущенно.

Вернувшись, они снова сидели в верхней комнате. Валя включила радиолю и пожаловалась, что пластинок с песнями Шульженко и Утесова не достанешь, а Бернес стал вообще петь мезалья.

— Пусть не поет, — легкомысленно заметил он. — Не в этом счастье!

В чем счастье, она не спросила. Ей было хорошо и, глядясь в широкие брови Рубюева, в его упорно выступающий подбородок, она подумала: «Как все у него легко и просто!»

В ту ночь Валя долго не могла уснуть, из головы не выходил разговор с Рубюевым. Чем-то забытым и хорошим повеяло на нее,

и она по какой-то ассоциации вдруг представила себя в дороге, в вагоне со множеством людей, затем в палате среди пустынного поля... Дул сильный ветер, и снег замело в палату, а ей было не страшно и совсем не холодно. Не изведанное ранее чувство приближения чего-то важного вдруг заполовило грудь: не устать ли ей в самом деле в полярной, где мдет другая жизнь? Ну, но тогда бы в эту самую Барабу, о которой говорил Рубюев...

На другой день она поделилась своими

мыслями с Клавой. Подруга выслушала ее и неожиданно расхохоталась.

— Ну и дура ты! — проговорила она. — Развеселила уши, слушай! Пусть сам молотится, если есть охота. Знаем мы эти сказки: брось все пожай! У него ни кола, ни двора и, кроме обшарпанного чмодача с зубной щеткой, ничего! Будешь мыкаться по баракам, худеть да стареть... Герой нашелся: брось все и ищи себе, как живешь! Это ибудет? У тебя дом...

Тут Клава сказала те самые слова о счастье, которые окончательно убедили Валу, она поверила эти словам и успокоилась: от добра добра не ищут... А перебрелась Елиза к дому, участку, уюту показалось ей глупым и даже обидным: не копил, не наживал, не знает цени. Она хотела при случае сказать Рубиону об этом, но тут через дверь внезапно уехал, оставив коротенькую, в несколько строк записку: «Если надумаете поехать в Барба, напишите мне по адресу...» Прочитав записку, Валя сморкала ее, хотела разорвать, но не разорвала: Рубион ей все же чем-то нравился. Так и лежал до сих пор записка в комод, хотя о вечернем свидании в Ильяде Валя почти забыла. А недавно Клава позвонила ее с Виктором. «Что за человек этот Виктор — хороший или плохой?» — думает Валя и идет по дорожке к крыльцу мимо двух огромных клубов. Остановившись, хочет сорвать веточку гвоздики, чтобы приколоть ее к груди, но раздумывает: ни к чему это...

Между тем день гаснет. Громче и громче, словно на соседней улице, гудят электрички. Густо тянет со сторон леса запахами трав и вале.

За жалкой раздвоенной пригнувшейся голося и во двор идет Клава и Виктор.

Клава — рыжеватая блондинка в светлом платье, туго перетянутом широким черным поясом. Виктор — пластик, загорелый парень с темными глазами, с выходящим чуть-чуть спадающим на лоб, в пестрой кобальтовой нараспугу.

— Вот и мы, — говорит Клава, обнимая подругу.

С Виктором Валя здоровается сдержанно. Вечер, предупреждая о его приезде, Клава сказала: «Витя! Иди тебя Валя, мы просто бредит. Так что учти это и приготовься...»

«Что означало это «приготовься», она не знает, но, подвываясь с гостями в комнату, замечает: Виктор смотрит на нее как-то по-особому, и малом прищуре его глаз усмехаясь. Этостораживает.

Работает Виктор техником в телевизионном ателье. Войдя в комнату, он сразу направляется к радиоприемнику и начинает крутить ручки.

— Проверьешь, Витя? — смеется Клава.

— А то как же! Может, калмы удастся сорвать, — улыбается она и обращается к Вале: — У вас с электротехницей все в порядке? Если что, мигном починим и возьмем недорого...

Валя, чувствуя блеск его взгляда, устремленного на нее, смущается. Она расставляет на столе тарелки, чашки и думает о том, что прозойдет дальше, как они садут за стол, о чем будут говорить... Валя заметно волнуется и, чтобы скрыть волнение, часто выбегает в соседнюю комнату.

Виктор, повозившись у приемника, достает со стены гитару, садится на диван и начинает тихонько перебирать струны. Непонятная улыбка блуждает на его губах, и какие-то новые огоньки загораются в прищуренных глазах.

— Спой, Витя! — просит Клава.

Он взмакивает тяжелыми бровями и начинает петь. Голос у него низкий, сильный, но поет он несладко: с завываниями и приложением, подражая, видимо, какому-то эстрадному актеру. Однако ласковый, мягкий пербор струн нравится Вале, будит что-то далекое. Она вдруг вспоминает, как в институте на последнем курсе ей под Новый год полария букет цветов Коля Мельников — белобрый всесезонный лауреат, приехавший учиться из какого-то сибирского села. В тот же день он пригласил Валу в кино и потом стал ухаживать за ней. Через неделю достало бытия в шире, но Вале неожиданно отозвался поинт: уж слишком простым, обыкновенным казался ей Коля. А других встреч у нее не было. Как-то получилось так, что до сих пор она

никого не полюбила, никем не увлеклась. Окончила институт, достала справку о стариках-родителях и не поехала на Смоленский университет, завилась домашними делами, думая, что еще в жизни еще впереди: и работа и любовь.

— Уместок у вас, Валя, порядочный. Вам некогда, — говорит Виктор и дерзко стрижет девичью косичку.

— Ничего, справляется, — замечает Клава и, хихикнув, добавляет: — Но поминчик нужен. Не возьмешься ли?

Вале разговор не нравится.

— Перестань, Клава. Как не стыдно! — возмущается она.

— Я пошутила, — оправдывается Клава, незаметно подмигивая Виктору.

Садится за стол. Виктор бьет и ловко откручивает бутылку портвейна, разливая вино по рюмкам.

Валя и Клава, подняв осторожно рюмки, отпивают по глоточку. Виктор наливает себе еще стопку и пьет за успехи хозяйки. Вале не нравится его усмешка, которая будто намекает на что-то нехорошее.

После третьей рюмки он вскакивает и подходит к радиолу:

— Музыка нужна, девушки!

Валя приносит пластинку.

Виктор, выключив ритм фокстрота, заполняет комнату. Вале незаметно начинает прищипывать носком туфли, от вынитою лица и музыки становится легко и хочется без причины смеяться, петь.

— Потанцуйте? — Виктор подходит и берет Валу за руку.

Она чувствует на спине его горячую, брызжущую ладонь. На каждом повороте он приближает девушку к себе и, заглядывая ей в глаза, повторяет одно и то же:

— Клава быстро перенарочает пластинку, и из репродуктора уже льются протяжные бархатные звуки, мужской голос грустно поет о любви. Виктор, чуть склонившись, ведет Валу медленно, заглядывая шаг за шагом.

Вале он танцует с Клавой, а потом подходит к радиолу и, не глядя, ставит первую попавшуюся пластинку. Мягко, как вздох, как шорох ветра, звучит песня. Виктор в неодолимой тоске на пластинку, чуть смеянтся, но не передумывает и садится рядом на стул, широко расставив ноги. В песне поется о спиях глазах, о горячем сердце, о чем-то дорогом и близком каждому человеку, что назвать словами трудно. Виктор слушает в такт, и в этот миг смотрит открыто, прямо, утратя свой обычный прищур. И Валя замечает перемену. «Он, наверное, совсем не такой, каким кажется. Эти его усертки, ужимки — все чудное, заносное», — думает она, чувствуя, как песня захватывает ее, поднимает все выше и выше на своих крыльях. Совсем неожиданно Валя представляет Виктора радом, в этом доме.

После работы он вот так же сидит здесь и слушает музыку, а она хлопочет по хозяйству, собирает на стол. Он ласково манит ее, притягивает нежно к себе. Потом они вместе идут в сад, собирают цветы, руют в огороде помидоры, огурцы. Он хозяин этого дома, он хочет все сделать сам и оберегает ее от всяких дел. А вечером они идут в рошу на танцы.

Слова обрывается, и тут же Клава вскакивает, спохватившись:

— Совсем забыла. Минутка, надо зайти еще в одно место.

Вале отчетливо слышит фальшь в ее голосе, но

почему-то молчит и провожает подругу до дверей.

Снова комнату заполняет французская мелодия. Виктор берет Валу за талию. Она, танцующая, украдкой всматривается в его лицо, стараясь увидеть то значительное, что промелькнуло перед ней, когда он сидел возле радиолы и слушал песню.

— Я не плохо танцую? — неожиданно спрашивает Виктор.

— Да, — отвечает она.

— Я вообще неплохой парень, — говорит он. И прежняя усмешка играет на его лице, но Валя все же замечает: «Он хороший, просто привык вести себя развлекно».

Музыка прекратилась, а Виктор словно забыл про радиолу. Он садится на диван рядом с Валею, не выпуская ее руки. Вале неудобно, она хочет встать, но Виктор вдруг обхватывает ее за плечи и идет крепко в губы. Она отворачивается и смотрит в окно, за которым чернеет ночь. Сердце ее стучит. Виктор снова тянется к ее губам, она отстраняется, ей не хочется, чтоб он обнимал ее так вот, сразу. Но Виктор с силой притягивает Валу и целует.

— Закрой дверь, — вдруг говорит он тихо.

Кровь ударяет Вале в лицо. Она вскакивает и, толкнув его в грудь, выбегает. Несколько минут стоит в соседней комнате, прислушиваясь к тишине дома, к ударам сердца. Она слышит шаг Виктора, шум передеваемых ступней. Потом хлопает дверь, и шаги его раздаются в коридоре. «Уходит», — думает она и подбегает к окну. Через минуту снова замечает тень мелькает у калитки, и тут же невероятная тьма окутывает все.

Валя возвращается в комнату, расставляя по местам сдвинутые в угол стулья, поправляет сбившийся ковер, раскладывает на диване пестрые подушки-думки. Потом садится у окна, за которым лежит густая августовская ночь и ничего не видно. Ей вдруг становится душно и тяжело. Она кладет голову на подушечки и плачет. Кем же она оказалась? Где ее девичье достоинство, гордость? Как пошли эти приготовления, намеки Клавы, ее глупые поучения!

Слезы текут у Вале по лицу и рукам, но она не вытирает их. Она плачет об ушедших годах, о том, что поступала в жизнь как-то не так, шла не тем путем... Плачет с надирью, безутешно.

Неужели не придет к ней настоящая любовь?..

Рисунок И. Поливанова

Очень важно перед соревнованиями хорошо подготовиться к альпам. Этим и занимаются сейчас слаломисты Анатолий Кирьянов и Владимир Мельников.

Высота—2 900 метров. Здесь, у перевала Талгар, будет дан старт горноальпинизмам.

В К Р А Ю БОЛЬШОГО С Л А Л О М А

Типичная картинка, которую можно наблюдать у Фуникулера в дни соревнований.

Тан поднимаются горноальпинисты к старту скоростного слалом. Подъем длится пятнадцать минут.

Хорошо перед трудной трассой выпить стакан горячего чая!

Стартер Инна Поллюкова — фельдшер из города Мурманска.

На трассе слалом-гиганта Евгений Карлов.

Вот он, край большого слалома,
урочище Чимбулак!

Фото В. Руйковича.

О бильна снегами зима в нашей стране, всюду необыкновенное раздолье для любителей слалома. Но есть такой уголок в Советском Союзе, который будто бы самой природой создан для этого увлекательного вида спорта. Горнолыжники, конечно, уже догадались, что речь идет об урочище Чимбулак, расположенном в дальней юго-восточной части Казахстана, там, где бескрайние, ровные степи постепенно сливаются с гигантскими горными массивами, образующими скалистые гребни величественного Тянь-Шаня. Этот сказочно-красивый край, отличающийся мягким климатом и своеобразными растительными и животными миром, на всю страну славится своими хорошими слаломными трассами. Вот почему каждый год сюда съезжаются сотни юношей и девушек с лыжами и рюкзакми за плечами. Кого только не встретишь среди них: и рабочих, и инженеров, и врачей, и студентов, и учащихся старших классов! Посмотри, как стремительно спускаются они с заснеженных горных круч, как молниеносно обходит возникающие на пути препятствия, и вы поймете, что именно привело сюда этих юношей и девушек. Ну, конечно же, они влюблены в горнолыжный спорт, в головокружительные и заворающие спуски, когда ветер свистит в ушах и даже у самых опытных сплавщиков захватывает дух! Все мы здесь знакомы, все дорожки и маленькие обитые домины, и лиловые ели, и неординарные снеговые при полном безветрии, когда бывает слышен шелест падающих снежинок...

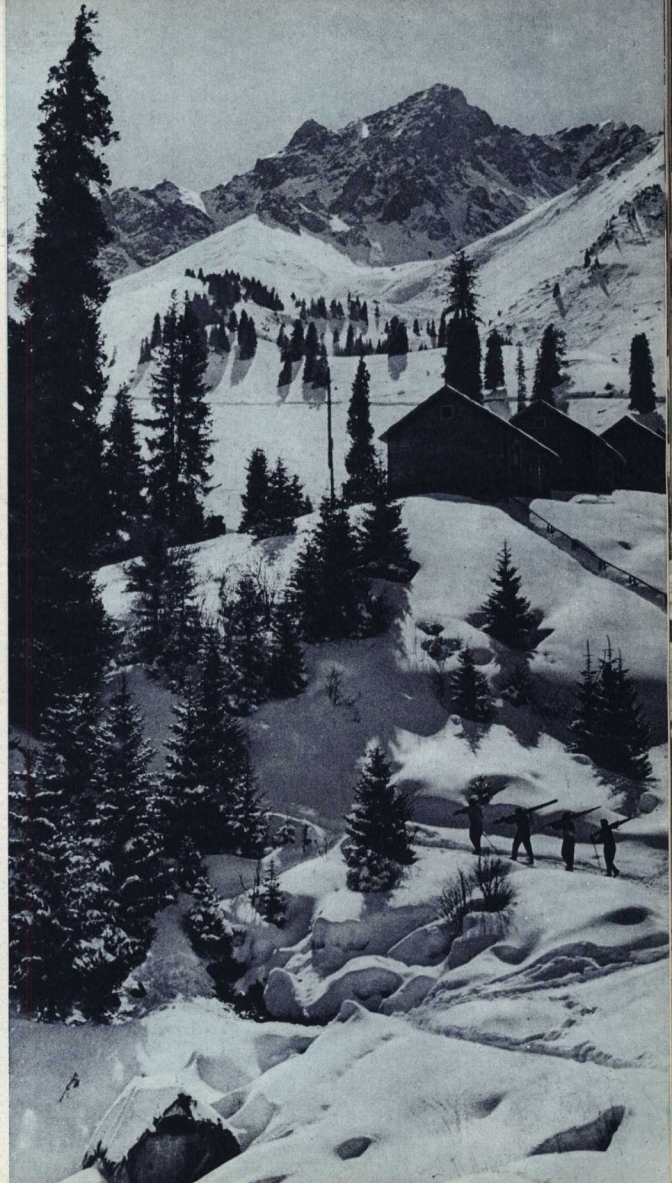
В урочище Чимбулак, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, каждый год проходит соревнование по слалома и скоростному спуску. В дни соревнований горы как будто оживают и в радуются вместе с молодыми, веселым народом. Только рогастый таж, древний обитатель гор, потвоженный голосами людей, в печальном одиночестве замирает на высокой скале и смотрит оттуда вниз на разноцветные слаломные флаги, слушающие фигурки лыжников и неутомимых инструкторов, которые ради удачного наезда готовы улететь прямо в снег...

Но вот наступлет долгожданный момент: раздается четкая команда, призывающая к старту. В последний раз проверяется крепление, лыжи затягиваются ремни... И вскоре кружи спускается первый лыжник. Учащенно бьется сердце! Но это не страх. Это волнующая радость, рождаемая непередаваемым ощущением полета — полета без крыльев. Обна за другой проносятся маленькие точны между трепещущими флажками, кто огибает болта снежным, более искусным на трассе! В морозном воздухе висит, почти не оседая, сверкающая синеватая пыльца...

После окончания состязаний загорелье и порядком усталые лыжники спускаются вниз, в долину, отсюда разбегаются по домам — в разные уголки страны. В горах снова воцаряется тишина. Но это до поры до времени...

Сюро в Чимбулаке снова зазвонит молодые голоса и по крутым, затаящим трассам опять покатятся, обгоняя ветер, бесстрашные лыжники-слависты. 28 февраля здесь начнутся соревнования сильнейших горнолыжников СССР по скоростному спуску, которые продлятся пять дней, а с 16 по 26 марта состоится лично-командное первенство страны по слалома, слалому-гиганту, скоростному спуску и троеборью.

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
мастер спорта.

«ИВАН БРОВКИН НА ЦЕЛИНЕ»

Проведать сына, а заодно посмотреть целинные края решила мать Ивана Бровкина. Вот и довелось прокатиться на мотоцикле. (Иван Бровкин — артист Л. Харитонов, его мать — заслуженная артистка РСФСР Г. Пельцер.)

Заскучал Бровкин... Узнав об этом, к нему пришел директор совхоза. На снимке внизу: народный артист РСФСР К. Синицын и артист Л. Харитонов.

ВЫСРЕЛ В ГОРАХ

Новелла*

После того, как солдат Иван Бровнин, герой одноименного фильма, «просит» по экрану, съёмочный коллектив киноратных полторы тысячи писем. Зрителя спрашивали, как вонять Бровнин, где он сейчас. Сценарист, режиссер и актеры фильма решили, что искать демобилизованного солдата Бровнина надо на целине. Пароческом труду целенники, женщины носовелов и была посвящена вторая серия киноновеллы об Иване Бровнине.

Первую серию картины делали на Волге, под Калинин. Здесь же решили снимать и начало второй серии. После трехлетнего перерыва съёмочная группа во главе с режиссером Иваном Воловичевым Дунинским и главным оператором Валерием Арзамидичем Гинсбургсом снова выехала на родину Бровнина. Парочка «Шевченко» опять перетратила в плавающую базу съёмочного коллектива.

У пристани села Савино собралась колхозница. Встретили кинематографистов как старых добрых знакомых. Рассказывали, делились новостями. «Штабом» съёмки снова сделали дом Серафима Ивановича Синицына — «бабушкин Савин». Это у него вое время съёмки первой серии актеры ночевали вранье в неинтересно походу. Она жарила полубохишное ясен пшенную кашу с колбасой. В ее доме на печи отогрелив Бесхаритово после проб похитил в неинтересно походу элитоде «кумынина на морозе». Заорачивали в тулуп и укладывали на горячую русскую на дровяную.

Два месяца продолжали съёмки на Волге. По сценарию, Иван Бровнин ждал в колхозе с нетерпением, прочин в бригадир, свадьбу сыграть. Но Илья не похитил. «Илья» — возразила Натела. — Ты же знаешь, я по любви вышла за него замуж.

— Не имела права. Ты была обручена с другим.

Казадось, старши Нэнз шпелло само прошлое. Правда, удавая время давно уже умерла, но ее страшное наследство — уродливые обичай — кое-где еще продолжает жить, особенно в горы. Именно это и пугало Нателу.

Когда её было три года, а Бекрибу пять лет, их отца погубил при снежном обвале на Латарском перевале. По древнему обычаю вдовы обручили своих малолетних детей. Проходили годы. И вот, когда у Бекрибу повзросл пшук вав, вернул губой а Натела стала заплетать косы, они узнали, что помолвлены. Ох, как заблились юные сердики! Бекрибу до этого была влюблен в Нателу, но она любила другого. Этот другой был товарищ их детства — Илья Даккелани.

Старые люди говорили Нателе, что она не вправе отказать Бекрибу. «Иначе», предупреждали они, — ты станешь причиной кровной мести между родами Бекрибу и Илья. Тако обещали.

Девушка с ужасом чувствовала, как разгоралось пламя любви к ней в сердце Бекрибу. Он был смелый альпинист. Однажды — как она это хорошо помнит! — возвратившись из Непала, где вместе с другими грузинскими альпинистами он совершил восхождение на одну из высочайших вершин Гималаев, Бекрибу послал Нателе через ее подругу поларок. Это был камешек с покоренной вершины: я, мол, думаю о тебе всегда, где бы ни был!

Юноша не раз поднимался на Ушбу, Шхару, Ики Руставели, покорял самые неприступные вершины Памира и Гималаев. А вот сердце Нателы ему покорить не удавалось. Правда, Бекрибу не терпел надежд, но вскоре Натела уехала в Тюльяс и поступила в Политтехнический институт. Там на втором курсе учился Илья...

С тех пор, вот уже семь лет, Натела не приезжала в Савнетиво. Ювонич институт, она вышла за Илью замуж и была счастлива с ним. Они имели одну и ту же специальность и в течение двух лет работали вместе на одной стройке. А недавно их послали на работу в родные горы. Здесь началась строительство самой мощной в республике гидроэлектростанции.

...Натела замечталась. Она мысленно видела финал строительства станции: радостное лицо Илья, к нему подходит другая и знакомые, подруга с пшуким станцией. Вот жмет руку сам столетний Мурзакан Дадави, а вот и Бекрибу. Все ближе подходит он к Илье...

Вдруг Натела услышала отдаленный выстрел и вскричала как ужаленная.

* Эта новудуманную историю, случившуюся в Горно-Алтанской автономной области, мы поведали, тому, что герои ее просили меня не называть их подлинных имен. — Автор.

Натела не хотела допустить даже мысли о том, что Бекрибу буд мстить Илье. «Ведь сейчас», — думала она, — не семнадцатый век. Бекрибу родился в советское время».

Натела попыталась думать о другом. Однако не шло. В голову лезли слова бабушки Нэнз: — Помни: горец никогда не примирится с потерей любимой! Веками существовал обичай: если у сваия похитили невесту, он смывай этот позор кровью похитителя!

— Но Илья не похитил! — возразила Натела. — Ты же знаешь, я по любви вышла за него замуж.

— Не имела права. Ты была обручена с другим.

Казадось, старши Нэнз шпелло само прошлое. Правда, удавая время давно уже умерла, но ее страшное наследство — уродливые обичай — кое-где еще продолжает жить, особенно в горы. Именно это и пугало Нателу.

Когда её было три года, а Бекрибу пять лет, их отца погубил при снежном обвале на Латарском перевале. По древнему обычаю вдовы обручили своих малолетних детей. Проходили годы. И вот, когда у Бекрибу повзросл пшук вав, вернул губой а Натела стала заплетать косы, они узнали, что помолвлены. Ох, как заблились юные сердики! Бекрибу до этого была влюблен в Нателу, но она любила другого. Этот другой был товарищ их детства — Илья Даккелани.

Старые люди говорили Нателе, что она не вправе отказать Бекрибу. «Иначе», предупреждали они, — ты станешь причиной кровной мести между родами Бекрибу и Илья. Тако обещали.

Девушка с ужасом чувствовала, как разгоралось пламя любви к ней в сердце Бекрибу. Он был смелый альпинист. Однажды — как она это хорошо помнит! — возвратившись из Непала, где вместе с другими грузинскими альпинистами он совершил восхождение на одну из высочайших вершин Гималаев, Бекрибу послал Нателе через ее подругу поларок. Это был камешек с покоренной вершины: я, мол, думаю о тебе всегда, где бы ни был!

Юноша не раз поднимался на Ушбу, Шхару, Ики Руставели, покорял самые неприступные вершины Памира и Гималаев. А вот сердце Нателы ему покорить не удавалось. Правда, Бекрибу не терпел надежд, но вскоре Натела уехала в Тюльяс и поступила в Политтехнический институт. Там на втором курсе учился Илья...

С тех пор, вот уже семь лет, Натела не приезжала в Савнетиво. Ювонич институт, она вышла за Илью замуж и была счастлива с ним. Они имели одну и ту же специальность и в течение двух лет работали вместе на одной стройке. А недавно их послали на работу в родные горы. Здесь началась строительство самой мощной в республике гидроэлектростанции.

...Натела замечталась. Она мысленно видела финал строительства станции: радостное лицо Илья, к нему подходит другая и знакомые, подруга с пшуким станцией. Вот жмет руку сам столетний Мурзакан Дадави, а вот и Бекрибу. Все ближе подходит он к Илье...

Вдруг Натела услышала отдаленный выстрел и вскричала как ужаленная.

* Эта новудуманную историю, случившуюся в Горно-Алтанской автономной области, мы поведали, тому, что герои ее просили меня не называть их подлинных имен. — Автор.

— Нэнз, Нэнз! — будила она старуху. — Ты слышала? Слышала выстрел? — Что? Выстрел?.. В этих краях много охотников...

Где-то в той же стороне, что и минуту назад, вновь прогремел выстрел. Натела поблещала.

С одного и того же места охотник дважды не стрелет. Там что произошло! — пробормотала Нэнз и опять задремала.

***

Вот и тропя. Бекрибу знал: по ней ходят на водной осторожные туры.

Слух опытного охотника улавлял шорох. Он останавливался, внимательно оглядываясь и, заметив тура, стоявшего на карнизе скалы, вскидывал ружье. Но приходится не успев: раздаётся чей-то выстрел, и тур покатился вниз.

«Что это может быть?» — удивился Бекрибу. Подбежав к тому месту, где лежал убитый тур, он неожиданно увидел того, кто стрелял. Охотник поднял голову, и Бекрибу замер: перед ним стоял Илья Даккелани.

— Илья?

— Бекрибу, ты? Вот, убил. Хорошо! — проговорил Илья, показывая на тура.

— Да... И я метил в него, — ответил Бекрибу.

— Правда?

— Да. Но ты опередил меня, — сказал Бекрибу и, помедлив, добавил: — И на этот раз опередил!

Последние слова Бекрибу, как кинжал, кольнули Илья. «Значит, Бекрибу все еще не забыл! — Илья испуганно посмотрел на Бекрибу. — Неужели он хочет мстить? Не верю!»

— В жизни бывает, когда двое метят в одну цель, — сказал Илья неопределенно.

— Да. Так произошло. И ты опередил меня.

— Но я не мешал тебе. Мы стреляли с разных мест.

— Да, с разных мест. Но у тебя была лучшая позиция. Выгоднее мое!

— Была.

— Иначе ты бы не встал верх!

— Ты думаешь?

— Да.

— К чему это? Мы оба желали добычи, а вот результат: она моя.

— Да, твоя. Но могла быть моей!

— Однако уже поздно.

— Нет, не поздно! — воскликнула Бекрибу и вскинула ружье. — Я докажу! Где стоял тур? На той скале? Смотри! — И, почти не целясь, нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел, и в тот же миг на скалистом выступе, где несколько минут назад стоял тур, появилась еле заметный серый дымок. — Попад!

— Попад. Ну, а дальше что?

— Начево, — ответил Бекрибу и неожиданно улыбнулся. — Хорошему охотнику — достойная добыча. Прими мое поздравление!

Илья почувствовал, будто с его плеч сняли тяжёлый груз.

— Я знал, что ты иначе не поступишь! Спасибо, Бекрибу, за поздравление! — с волнением воскликнула Илья и крепко пожал руку друга.

— А вечером дома у Илья Натела подала им пшуким шампанье из турского меза. Затем и сама пошла к столу. Уженили и беседовали, говорили о будущем, о том, как надо строить ГЭС.

Так умер в горах уродливый обичай.

В. ДРОЗДОВ

Иркутск ГОЦИРИДЗЕ

В ОЗВРАЩЕНИЕ

Весной Павла Хаустова досрочно освободили из детской трудовой колонии. Лежа на полке вагона, слушающая в стужу колес, он думал о доме, о матери, которую не видел три года. Павлу было четырнадцать лет, когда его отправили на север, в колонию.

Отца Павел еле помнит: он погиб в Отечественную войну. Жили они с матерью вдвоем. Павел учился в школе, мечтал стать капитаном дальнего плавания, увлекался книгами, особенно приключенческими... Однажды в начале мая 1953 года, придя из школы домой, Павел застал отца. За столом сидел человек, высокий, широкоплечий, с длинными выходящими рыжими волосами, большим носом и выпуклыми, как у караса, глазами.

— Павлуша, познакомься,— сказала мать, почему-то краснея.— Это Василий Сергеевич Волгин, дядя Вася... Зашел посмотреть, как мы с тобой живем.

С этого дня дядя Вася зачастил к Хаустовым. Когда он приходил, на столе появлялись вино, конфеты. Павлу нравились эти торжественные, праздничные дни. Волгину оказался чудесным человеком. Он играл на баяне, удерживал Пашу вино, давал деньги. Прошло два или три месяца, и Павел привязался к дяде Васе. Он с нетерпением ждал звонка по субботним вечерам и однажды спросил мать, нельзя ли им всем поселиться вместе, втроем... Но мать ничего не ответила.

Вообще она уже не обращала внимания на Пашу, и тот жил сам по себе. Красная руководительница несколько раз жаловалась на него, но мать, поплакая, прочла сына.

Наступило лето. Волгин, получив ключ от квартиры, заходил еще чаще. Он брал Павла и шел с ним в парк или на реку, рассказывая тысячи забавных историй, в которых действовали сыщики и грабители. Сыщики в эти истории почему-то выглядели коварными и злыми, а грабители — самодержавными и благими городничими. Он всегда побеждал. Павел приходил в восторг от рассказов дяди Васи.

Иногда Павел выполнял небольшие поручения Волгина. Однажды перевез с одной квартиры на другую какие-то вещи какой-то покойной тети Волгина. За это получил в подарок авторучку. Постепенно у Волгина с Павлом появились свои, особые дела. Когда ребята спрашивали Пашу, где работает Волгин, он отвечал сурово: «Не ваше дело meddling. Если же кто-нибудь особенно сильно приставит с расспросами, Паша, мальчишка не по годам сильный, пуская в ход кулаки».

Как-то раз Волгин пришел к Хаустовым в духе. Мать работала в ночную смену, и Павел был один дома. Положив руку на плечо Павла, дядя Вася сказал:

— Хочу с тобой поговорить, как мужчина с мужчиной...

Павел понял: случилось что-то серьезное.

— Умевшь дергать этак за зубами?

Павел стукнул себя кулаком в грудь.

— Дядя Вася я-то?

— Поднимаешь,— сказал Волгин,— пошел я в беду. Надо подогреть, а денег нет. Долг большой. Поможешь раздобыть денег? На тебя надежда...

Павла крепко сжал руку дяди Васи. Чувал мальчишка сердцем: приближается что-то страшное.

— Не отдам долга — заберут,— добавил дядя Вася.— А что будет делать мать без меня? Кто о вас позаботится?

—...Долго шли темной улицей, спотыкаясь о камни. Волгин винушал Павлу:

— Если схватят, обо мне ни слова. Ты мал, с тебе спор невелик! — выстулат. А мне — крышка.

Подшли к дому с высоким забором. Тут слышно доносились откуда-то паровозные гудки. Оглушительно стучало сердце у Павла.

— Давней! — сказала Волгину.

— Выбравшись на его плечо, Павел легко перепрыгнул через забор.

—...Все шло хорошо, но, когда Павел возвращался обратно, за темнотой вдруг ударил яркий луч света и осветил его. Метнулся Павел в сторону, но чья-то крепкая рука удержала.

— Стой!

Потом все пошло, как во сне: допросы, суд. Павел ни словом не обмолвился о Волгине. Думал: по крайней мере мать будет не одна.

Дядя Вася позаботился о ней. Уже в колонии получил письмо от матери. Она писала, что Волгин после суда не приходил, жаловалась: трудно жить одной. Волгин обещал помочь, а сам и глаз не кажет.

Думы, воспоминания о доме так захватили Павла, что он не заметил, как остановился поезд.

— Приехали, молодой человек!

Словно ветром сдуло Павла с полки. Вот он, родной город, родная улица, родной дом!.

Через час Павел сидел за столом, пил чай. Напротив — мать. Она не спускала с сына счастливых глаз. Только сейчас Павел заметил ее седину. «Бедная мамка! Как она постарела, изменилась! И все из-за меня».

Мать молча глядела на сына. Она словно изучала, каким образом колонию ее Пашеньку.

— Отдохнешь, сынок, недельку — две! — как-то спросила она.

— Нет, мама. Что сидеть без дела! Припишут и беду устроятся на работу. И учиться буду.

Вечером к Павлу зашел сосед, друг детства — Костя Воробьев. Весь вечер проговорили друзья. Костя рассказывал, как окончил десятилетку, как поступил на завод и стал слесарем. Недавно его выбрали секретарем цеховой комсомольской организации. А почему бы и Павлу не пойти к ним в цех? Ребята у них хорошие, дружные.

Было решено в тот день, что Павел, как только припишется, будет устроиться на завод.

II

Прошло дней десять. Настренив у Павла было плохое: не клеилось с пропиской. Он бегад, хлопотал и вот как-то на улице нос к носу столкнулся с Волгиным. Дядя Вася с минуту недоумовато рассматривал Павла своими речными глазами, потом губы его растянулись в улыбку.

— Вот так встречал Давно!.. А ведь тебя не узнал.

Он хотел было взять Павла за руку, но тот резко вырвал ее.

— Сердишься? А зря.

Павел с ненавистью посмотрел на своего бывшего учителя.

— А как ты поступил со мной, с матерью!

— Не кипитесь. Пойдем поговорим где-нибудь за столиком. Ты, должно быть, сидишь на бобах!

Павел отвернулся и зашагал прочь. Внутри у него все кипело: «Самоуч! Когда-нибудь ты полатишься за все!»

Но от Волгина не легко было отделиться. Через день он пришел к Павлу «пожалкать по душам и отметить прибавление».

— Не о чем нам калкаться! — отрезал Павел.

— Не ершишь... Слыхал я, с пропиской у тебя тугошло? Устрою. На работу определю... Волгин придвинулся к столу... Пойми, всякое бывает в жизни. Я перед тобой в долгу... Хочу отблагодарить. А за мать не беспокойся, мы с ней поладим... Ну, вниваго, что ж делать? Ливинчат, товарищи! — задался, ответил Павел.— Не проведешь! Я не маленький...

— Как будешь жить? Кто тебя на работу возьмет, кто припишет? Эх ты, тожак! Забил, что за твоей спиной стоять!.

Не помня себя, Павел сорвал со стены старую отцовскую рубашку.

— Моная, сволочь, а не тот!

— Ну ты, бешеный! — Волгин встал и направился к двери.

После этого разговора Волгин, казались, исчез. Обойдя Павла обоим без его помощи: вметшался райком комсомола, и начальник управления милиции разрешил прописать Павла на один год. Можно было подумать и о работе.

Павел пошел на завод, где работал Костя Воробьев. Он так и сказал Косте:

— Пойду на твой хваленый завод. А за меня не беспокойся, не поведу...

Устроился токарем. Заработок на первых порах был маловат, и Павлу с матерью жилось неважело.

Как-то вечером в комнату Хаустовых заглянул сын соседки.

— Там какой-то дядка тебе спрашивает.

Накнута на плечи Павлу, Павел вышел во двор, поспотелу подошел к забору, встал в сторону и шепнул набок. Павел узнал в нем бывшего воспитанника колонии Ветрова.

— Приветик! — крикнул Ветров.— Узнал от одного приятеля о тебе, дядя, думаю, зайду...

Он достал из кармана коробку дорогих папирос — протянул Павлу.

— Спасибо, не курю.

«Интересно, зачем он пожаловал!» — думал Павел, искоса рассматривая Ветрова. Он хорошо помнил, что Ветров зал смеялся над Павлом и над другими активистами детской колонии.

— Я к тебе по важному делу,— сказал Ветров, дымая папироской.— Но здесь... неудобно. За углом есть заведение. Посидим, вспомним колонию.— Ветров бесцеремонно взял Павла под руку.— Не брезгай старыми друзьями. Мы ведь тоже люди...

В закуской Ветров поделал Павла к столу, за которым сидели Волгин и какой-то незнакомый парень в клетчатой рубашке.

— Привет!

Павел прокинул себя за оплошность, но отступать было поздно. Он остался, отказавшись натреть пил вудку.

— Пошто и ковержаньши, рило! — глухо промолвил Ветров, выхватив клетчатую рубашку и засел так, что Ветров, подмигнув Павлу, сказал:

— Задел ты Сеньку! Пей, а то начнет лопать поосу.

На Павла за угроза не действовало, он хотел встать, но Волгин с силой сжал его руку в локте и усадил на место.

— Видишь ли, молодой человек,— сказал Ветров,— нам кое-что известно... В колонию ты в «буграх» ходил, а активиста. Так! А ты знаешь, что за это полагается?

Лицо Павла гневно вспыхнуло.

— Руки коротки!..

— Не пня, а несет черт-те что! — удивился парень в клетчатой рубашке.— Вот что, сказал он Павлу.— Вдумайтесь крутите, заделем. Заруби это на своей вывеске!

— Ладно,— сказал Павел и решительно встал.

— Дави тебе три дня, подумай.

Павел не двинулся, другий. Павел работал на заводе, вечерами вместе с Костей ходил в библиотеку. Вскоре, однако, произошло событие, которое едва не сыграло роковую роль в жизни Павла Хаустова.

Однажды утром он проснулся, разбуженный громкими голосами, доносившимися из коридора. Слышится чей-то плач. Павел взглянул в коридор. Соседа по квартире Анастасия Романовна, дворничка Понтелева, управдом и мать о чем-то спорил.

— Что случилось-то?

— У Настя пальто пропало,— ответила мать. Павел понял, что подозрение падает на него. Вскоре пришел укладчик.

— Ну, что скажете! — спросил он Павла.

Павел молчал. Справдываться? Не поверят. Но и признать себя виновным он не мог. Оставалось одно: молчать. Не добившись от Павла ничего, укладчик приказал ему идти с ним в отделение.

Начальник отделения встретил Павла холодным взглядом.

— Как же так! Не успев возвратиться и уже опоздал!

— Не брал я,— проговорил Павел.

— Ну что ж, разберемся...

Вскоре пальто нашлось: оно кем-то было подброшено в коридор,— но Павел все же оставался на подозрении. Это угнетало его. Он стараясь не бывать дома, возвращаясь после работы поздно.

Как-то, придя домой, он увидел на столе небрежную посуду, порожнюю бутылку из-под вина, разрезанный торт. Павлу табаком. Павел сразу догадался, кто приходил.

— Да как ни про, мама, этот мерзавец будет морочить тебе голову!

— Не кричи, Павел. Мне так тяжело! — взмолилась мать.

Почти всю ночь Павел не смылал глаз. Никогда еще он не был так одинок, так несчастен... «А что, если написать письмо Николаю Федоровичу!» — подумал он. Николай Федорович Карпов — воспитатель трудколони — всегда помогал Павлу. С ним можно было говорить наедине.

Утром Павел написал письмо: «Дорогой Николай Федорович, вот уже два месяца, как я дома. А жизнь такая, что хочется все бросить и уехать куда глаза глядят. Мне не верят...»

Заканчивалось письмо так: «Николай Федорович, передайте горячий привет ребятам, пусть знают, что их бывший юнец Пашка Хаустов никогда больше не станет преступником, пусть прозавтает!»

Через несколько дней от Николая Федоровича пришел ответ. С замيرانем сердца Павел вскрыл конверт:

«...Бежать, Павел, надо нетрудно. Но, помню, ты в любой городе будешь одиноким, если станешь думать, что все тебе ждало зла. Вот ты пишешь: «помоги прописаться, помоги устроиться на завод». А кто имоет? Уж, конечно, не враги твои. Значит, есть рядом хорошие люди — их и держится. А что касается работников отделения милиции, то мы им напишем, что ты за человек, они пойдут тебе навстречу. В жизни твоей сейчас самая ответственная пора. Не поддавайся на провокации, будь осторожен: видно, старые «дружки» не собираются оставить тебя в покое...»

И действительно, через несколько недель у Павла состоялся встреча со старым «дружком».

Входя в заводского клуба после концерта вместе с Костей и заводскими девчачками, Павел заметил ожидавших его трех «приятелей». Они явно были наивеселе. Ветров с ухмылкой смотрел на Павла, немного поодаль, у колонны, стоял Волгин и Сенька. Павел подошел к ним.

— Узнаешь земляка! — спросил Ветров.

— Какой ты им земляк?! — спросил Ветров.

У Ветрова округились глаза:

— Ах, так! Перед девчачками курящийся?

Забыв, что по одной дорожке ходит! — И, повернувшись и победившим девчушкам, продолжал: — А вы, детки, поспойтеся же, не легово. Он может того... И Ветров выразительно пошевелил в воздухе пальчики.

Павел святил руку Ветрова.

— Ойди!

Казалось, Ветров только этого и ждал.

— Был? Защищайся, ребята!

Волгин и Сенька бросились на Павла. Коста и два парня из второго цеха попытались остановить хулиганов. Завязалась драка. В руке у Павла что-то зазвенело. Павел святил его за руку, но он вырвался. Кто-то крикнул: «Ребя-

ПОБЕДА ОБЯЗЫВАЕТ...

Девочка с русыми косичками робко приоткрыла дверь спортивного зала и замерла, словно зачарованная. То, что привлекло ее внимание, было так неординарно и ново! В зале тренировались гимнасты. С удивительной легкостью крутились они на перекладинах, брусьях и кольцах, стремительно «перелетали» через «шлепки».

Девочка тогда еще не знала, как называются спортивные снаряды и упражнения, которые выполняли гимнасты. Но представляла она, конечно, и того, сколько труда приходится затрачивать спортсмену, чтобы достигнуть красоты, точности и легкости движений. Девочка поняла это потом, когда сама начала заниматься спортом.

Много лет прошло с тех пор, но Лидия Калининна часто вспоминает тот день, когда впервые увидела гимнастов за работой. С благоговением вспоминает она и своего первого тренера спортивной гимнастики, Б. Е. Стрельникова. Это он внушил ей мысль о том, что без кропотливого труда нельзя овладеть мастерством, что даже самые большие успехи не должны вызывать у спортсмена чувства самодовольствия или самоуспокоенности. Тренер с радостью замечал, что его питомцы проявляют видную неутомимость в учебе, что гимнастика — ее настоящее призвание. И он не ошибся. Лидя успешно закончила школу, получила первый спортивный разряд.

За те годы она была участницей чемпионатов среди школьников Москвы и неоднократно выигрывала медали во всеюношеских юношеских соревнованиях по гимнастике. В старших тренировочных под наблюдением опытных тренеров дала хорошие результаты. В 1955 году Лидия Калининна было присвоено звание мастера спорта, вскоре ее включили в состав сборной команды страны, она приняла участие в соревнованиях гимнасток мира на XVI Олимпийских играх. И хотя в Мельбурне она не получила посылки, тогда неудача в личном заче-

Мастер спорта гимнастка Тамара Манина поздравляет Лидию Калининну с олимпийской победой.

Фото Л. Вергольцева.

те — все же и там она испытала счастья: большой победы: никогда ей не забывают, как под торжественные звуки Государственного гимна нашей Родины советскими гимнастками вручались золотые медали за общекомандное первенство. И еще запомнилась Лиде Калининной восторженная от аллюсментов огромный зал Дворца спорта в Лунинках, когда было объявлено о том, что ей присвоено звание абсолютной чемпионки страны. Впереди ответственный соревнования. Советским гим-

настам предстоит выступить в розыгрыше Кубка Европы для женщин, который состоится в Польше, принять участие в острой борьбе за Кубок страны. Впереди вторая Всесоюзная спартакиада народов СССР.

К этим соревнованиям студентка 1-го Московского медицинского института Лидия Калининна упорно готовится. Она хорошо знает, ценюй чашего успеха и труда даются спортивные победы.

Б. ПУГАЧЕВ,
А. КОТЕШВИЛИ

тэ, у них ножи». И толпа рассылалась. Волгин и его «дружки» выбежали на улицу. Догонять Волгина бросился Павел. За ним пожебок Коста.

В узком переулке, который упирался в железнодорожный вокзал, Павел и Коста пошли, держась подальше от фонарей. Они заметили, что бандиты перестали о чем-то, разошлись. Волгин свернул за угол, а Ветров и Сенька направились к вокзалу.

— Я пойду за Волгиным, а ты ступай за ним,— сказал Павел.— В случае чего — на вокзал еще идти милиция.

Замедлив шаг, Волгин пригнул шагу и юркнул в ближайший двор. Там, в глубине двора, под навесом, Павел заметил старого приятеля.

— Ага, пришел! — проговорил Волгин, поднимая руку.

Павел поспешил назад. Он хотел выманить Волгина на улицу, где их увидели бы прохожие и могла бы подоспеть помощь. До ворот оставалось не более двух шагов... Волгин, видимо, понял его замысел и бросился вперед, стараясь избежать на улицу перемы и скрыться. Слово дружка, сказал Павел. Уклонив-

шись от ножа, он ловко подставил ногу, и Волгин упал. Павел юкнулся на бандита, и они забарахтались на земле.

Вдруг точно грох навалился на голову Павла. Он потерял сознание. Очнулся минут через пять. Рядом увидел Костю и еще кого-то в милицкой форме.

— Ушел! — спросил Павел.

Коста помот ему подняться с земли.

— Не волнуйся... Никто не ушел.

Читателям, конечно, интересно будет узнать о дальнейшей судьбе Павла Хаустова. Он работает сейчас на шприкоподшипниковом заводе, учится на втором курсе вечернего отделения индустриального техникума. Между прочим, бригада, в которой работает Павел, сейчас соревнуется за звание бригады коммунистического труда. Чтобы рассказать об этом новом периоде жизни Павла Хаустова, потребовалось бы написать новый очерк. Но читатель и без того знает самое важное: Павел вернулся к своим друзьям, к честной трудовой жизни.

К. ДРОФШЕВ,
млор.

ДРУЗЬЯ- ЛЕСОРУБЫ

Фото В. Черепанова.

Звонящая тайга... На дальних Комсомольского леспромхоза визжат моторы, стучат топоры, рассыпается дробный рокот моторов. С сухим треском, ломая сучья, валится высокие ели и сосны. В морозном воздухе далеко разносятся голоса людей, звучит русская и корейская речь. Рядом с лесорубами леспромхоза здесь трудятся парни из Корейской Народно-Демократической Республики.

«Успею сделать еще один рейс, сверхплановый!» — говорит десятнику молодой тракторист Цой Сун Бо.

Ученик комсомольца Петра Пальчиша, корейский парень Сун Бо стал одним из лучших валщиков промхоза.

Весь душой полоним корейские парни Тимофей Калимуллин, мастера по валке леса.

Хорошо крикуют клысты Цой Сон То.

Весь этот лес заготовлен руками корейских лесорубов.

Корея строится, в республике вырастают новые заводы и шахты, новые дома, школы, ясли. Стране нужна строительный материал, и прежде всего лес, миллионы кубометров леса. Кореяне юнши приехали к советским друзьям, чтобы привезти их опыт, освоить передовую технику, изучить организацию труда.

В Комсомольском леспрохозе корейские лесорубы принимают радушно: им отведены специальные делянки, подобраны для обучения лучших инструкторов, новаторов производства. Инженер-комсомолец Петр Лавочкин, Петр Марчино, механизатор Иван Юганов, мастер по валке леса Тимофей Калимуллин, начальник Дидонского пункта Геннадий Михайлович Суриков делают с корейской молодежью своим опытом, обучают приемам раскряжживания хлыстов, работы мотопильей.

Более двадцати молодых корейских лесорубов, над которыми шефствует раскряжжачик Петр Холотов, уже начали работать самостоятельно. Раскряжжачик Цой Вон То, например, выполняет по полторы нормы в смену. До приезда в Комсомольский леспрохоз Цой Сун Бо, как и Цой Ги Хам, понятия не имел о возможности трелевочного трактора. А сейчас они лучшие механизаторы Дидонского лесопункта, трелеуют на «Сталинке» по 120—150 кубометров древесины, выполняя более чем вдвое сменные задания. Отличившиеся штабелщиками стали комсомольцы Ли Ток Кю, Кван Чан Син, Сок Эм Хам, Ли Чан Рен...

Советские лесорубы оказывают корейским товарищам беспорочную помощь. Это и есть настоящая братская дружба рабочих двух социалистических стран.

П. БАРАНОВ

Хабаровский край.

ДАЙ РКУ, ТОВАРИЩ ДАЛЕКИЙ!

Рисунки Г. Васильева.

Во второй половине лета и осенью 1944 года Н-ская стрелковая Краснознаменная ордена Кутузова II степени дивизия, в которой мне довелось служить переводчиком, находилась в непрерывных боях. Она начала свое наступление в составе 2-го Белорусского фронта на реке Проня и, форсируя с ходу многочисленные реки, бесостановочно гнала гитлеровцев на северо-запад.

В середине июля части дивизии переправлялись через быстрый и широкий Неман, затем, после тяжелых наступательных боев, прошли Августовские леса и заняли город Августов.

Поздно вечером 23 октября командир дивизии генерал-майор Масленников приехал на наблюдательный пункт комбата, которому принадлежала честь взятия города. Похуذةвая за сутки, но по-прежнему неутомимый комбат доложил генералу:

— Ваше приказание в отношении заботы о населении Августова выполнить не мог. В городе ни одного поляка не оказалось. Наверное, их угнали фашисты, когда отступали.

— Надо тщательно осмотреть нейтральную полосу — сказал генерал начальнику разведки майору Нарыжкому.

В тот период и наш и вражеский передний край проходил по высотам. Разведывая их линия была «гнечной». Разрыв, образовавшийся между советскими войсками и гитлеровцами, достигал местами полутора — двух километров.

Предположение генерала подтвердилось: ночью разведчики доложили, что в нейтральной полосе они обнаруживают много польских семей.

Выяснилось следующее: перед отступлением фашисты согнали мужчин на постройку оборонительных сооружений, а женщин, детей и стариков вывели из города. Не желая далеко уходить от родных мест, многие жители укрылись в наскоро отрытых землянках в долине западнее Августова. Понятно, что положение было незавидное: они очутились между двумя линиями обороны, а гитлеровцы, вымещая

злость за потерю города на них в чем не повинных мирных жителях, жестоко обстреливали землянки поляков.

Комбат приказал спасти этих людей. Рискуя собственными жизнями, под непрерывным огнем врага наши разведчики стали по ночам выводить польские семьи с «гнечной» территории.

В моей памяти ярко запечатлелись эти необычные ночи. В непроглядной тьме, пронземой лишь светом ракет и озердами трассированных пуль, над ледяной траншеей взлупыкивали коровья морда. След за ней шли женщины, старики и дети, а позади, прикрывая спасенных, двигались разведчики. Со слезами на глазах обнимали и целовали наших солдат поляки, а затем уходили в тыл, где им больше не грозили ни гитлеровцы, ни их снаряды...

Приближался канун великого Октябрьского праздника. Нужно прямо сказать, что для разведчиков дивизия те дни были весьма трудными: уже с неделю они не могли добыть «языка».

Страхась нового наступления советских войск на отдаленную теперь всего несколькими десятками километров Восточную Пруссию, гитлеровцы лихорадочно укрепляли свой передний край. Они перередили всю местность колючей проволокой, выставили минными. Выдвинутые вперед сильные боевые охранения фашисты также окружили проволоками заграждениями и минными полями.

Мы терпели разведчика за разведчиком, но нужных сведений о противнике не получали. Между тем ряд косвенных признаков было ясно, что гитлеровцы весьма значительно усилили свои части. Но кем именно, это можно было определить, только заполучив «языка».

...Настрессе а маленьком домике, который занимал на восточной окраине Августова разведотдел дивизии, было далеко не весело. Выслушав разведчиков, вернувшихся из очередного неудачного рейса, майор Никита Нарыжкий доломатил свою буйную шевелюру, придумывая новый вариант поиска.

Журнал «Смена» и польский журнал «Долноля по названию «Из одного котелка» на лучшее воспоминание о совместной борьбе советских и польских воинов против мировой войны. Условия конкурса опубликованы в «Смене» № 11 (1958 год).

Вдруг загудел телефонный звонок. Нарыжкий и я одновременно взяли трубки: мы жили и работали в соседних комнатах и «слышали» как говорится, на одном проводе.

Звонил начальник оперативного отдела штабдива майор Немчак:

— Давайте быстро к нам. Есть дело по вашей части.

На ходу надевая шинель, мы помчались к зданию, где размещался командный пункт дивизии.

— Вот этот товарищ, кажется, кое-что знает, — сказал нам майор Немчак, указывая на человека, сидевшего на стуле в несколько странной позе: руки его свешивались к полу, голова была опущена; казалось, он дремал. Изможденное, заросшее щетиной лицо по цвету почти не отличалось от темно-серого изодранного плажика. При нашем появлении он открыл глаза и слабо улыбнулся.

Немчак коротко сообщил, что этот человек сегодня на рассвете подполз к нашему переднему краю у правого фланга дивизии и, изваяв себя поляком, попросил наших солдат отвести его к командиру.

Поляк ломано, но вполне понятно говорил по-русски. Вот что он рассказывал.

Когда гитлеровцы при отступлении стали угонять мужчин в тыл, ему удалось спрятаться в разрушенной снарядом землянке недалеко от озера Нешко. Но вскоре выяснилось, что выбраться из укрытия было еще труднее, чем убежать от конвоиров: землянка, в которой он спрятался, оказалась между блиндажом боевого охранения гитлеровцев и их передним краем.

В этой землянке, обернувшись

ловушкой, беглец прожил между жизнью и смертью целые дни. Его захватили в доме в одной из землянок, хватая при самом экономном раскопывании только на неделю. Правда, в воде не было недостатка: прошли дожди, и в землянку сапсого се даже в излишке, но на одной воде долго не просуществошь. И постепенно беглец от пассивного отсиживания в землянке перешел к активному наблюдению за гитлеровцами. В конце концов он обнаружил то, что искал: в обороне гитлеровцев оказалась чуть заметная щель. Через нее и ускользнула мигнувшей ночью сидевший перед нами полка.

Всёса с ним подтвердила, что деморализованные нашим наступлением части противника куда-то отведены, а их место заняли свежие войска. Но что это за части, полка, конечно, знать не мог и был этим явно огорчен. Не мог он показать на карте и то место, где перешел через немецкие позиции: с картой мы никогда не приходилось иметь дела.

Мы помолчали. Вдруг полка поднял голову, в упор посмотрел на Нарыжкого и решительно проговорил:

— Товарищи, я вас проведу к немцам. Мы просили его отдохнуть день — другой, но полка вполне резонно ответила, что за это время обстановка может измениться и его знание местности не будет иметь никакой цены. В конце концов было решено, что мы пойдем в поиск сегодня ночью.

Вечером этого же дня мы подняли к домику, стоявшему не вдалеке от развилки дороги, у которого на столбе был прибит указатель: «До Берлина 660 км». В этом здании размещалась разведка. Нашего полка было всего семь человек, но мы едва углядели. Он был выжит, собран, подтянут. Тут стал ясен и его возраст, который утром никак нельзя было определить: парню от силы двадцать лет.

Собираясь в трудную дорогу, разведчики ужинали. У нашего полка, конечно, своего котелка не было, и он бойко хвляб густой гороховой кашей, сосредоточен из одного котелка с казаклом Джукановым. Когда показалось дно, сидевший рядом сбиряк Воробьев, ловкий худощавый солдат с восточными чертами, которого в рот завали «Воробей», придвинул к полкаку свой котелок.

— Давай, друг, приобщайся. Подай правую руку к сердцу! — Спасибо. Больше не могу. Майор Нарыжкий посмотрел на часы.

— Пора, — сказал он негромко. Через несколько минут мы тронулись в путь. С особенной ответственностью запомнил мне этот вечер. С утра было тепло, но к ночи резко похолодало. Сырой ветер, казался, пронизывал изморозь. Мы шли по центру Августова, пересекая его с юга на север. Тягостное зрелище представлял собой топка этого город. Глухо звучали наши шаги по мертвым, освещенным

дуной улицам. Стрельные и разрушенные артиллерийским обстрелом дома перемешались с кварталами целых зданий. Но нигде не было видно ни одного живого существа.

Я посмотрел на шагавшего рядом полка. Его лицо было сосредоточенным и печальным. Возможно, в эту минуту он думал о том, во что превратили фашисты его родной город.

Пустынные улицы Августова остались позади. Проселочной дорогой, которая вилась между глухо шумевшими соснами, мы вышли на берег озера Нешко. Через несколько минут показалась отдаленная позиция артиллерийской батареи. Майор пошел к артиллеристам, еще раз уточнил

условные сигналы и номера огни. Вот и полковые проволочки. У опущен наветру нам поднялись только что соколянувшие с деревьев разведчики-наблюдатели. Здесь, в нескольких метрах, проходил наш передний край. Одиноким траншея упиралась в озеро.

Когда луна спряталась за тучи, майор негромко, но внятно проговорил:

— Пошли! — И, полка вспрыгнул на брустер, подав руку полка.

Мы были уже на «нейтральной» — так сокращенно называли нейтральную полосу фронтовых.

Странное чувство испытываешь. Вперед! — враз! — «союз тут» — только плечо товарища. Мы шли, пригнувшись, почти в след друг другу, по узкой обрывистой тропинке у самого берега озера. Казалось, невпротыком как в абсолютной темноте наш проводник может так быстро и безошибочно ориентироваться на местности. Но в этом не было ничего удивительного: он шел по своей земле. Здесь он вырос, здесь ему была знакома и близка каждая тропка.

До немецкого боевого охранения, по нашим расчетам, оставалось совсем недалеко, когда случилось непредвиденное... Нет, немцы нас не заметили. Но, как обычно ночью, они выпустили

наудак несколько мин, и нашего проводника ранило осколком. Из кисти левой руки брызнула кровь. Но мы не услышали ни единого стога. Майор шепотом предложил полкаку вернуться.

Нет! — коротко откликнул тот и выразительно показал на свои ноги: рука, дескать, не нога — доуй.

Разведчики быстро пережали левую руку, и мы двинулись дальше.

Теперь уже совсем недалеко было до проволочного заграждения перед боевым охранением противника. В этот момент выгнула луна, заставив нас надолго прилечь за землей. Наконец луна ушла за тучи, старший группы лейтенант Виноградов сжал руку полка. Это был сигнал «Вперед!». Разведчики сошлись и к берегу озера.

Что было дальше, этого я уже видеть не мог. Разведчики как бы растапли в темноте. Меня же майор отправил обратно в траншею.

Еще перед поиском он предупредил: «Только до проволочной — и сразу обратно. Переводчик у меня один».

Вместе со связистом, проверявшим «вентик» — телефонную линию, которая была дама майору, — и возвратился на наш передний край.

Медленно текли томительные минуты ожидания. Но вот в телефонной трубке, которая плотно прижата к моему уху, послышался радостный голос Нарыжкого: — Полный порядок! Пошли обратно.

Вскоре вдалеке раздался выстрел. В ту же минуту в небо взвилась зеленая ракета и зарождалась залпа из артиллерийских орудий своим прикрывали отходивших разведчиков.

...Разгоревшиеся поиском, разведчики один за другим искажились в траншею, они свертываются и зная — пленный, рождающийся от страха человечка с фельдфебелемским погонами. Последними в траншею спустились полка и неразлучные друзья — Кужаков с Воробьевым.

Полка хлопнул по плечу, обнимали, но ядуг он победил и в изможенном приносился к стенке траншеи.

— Ну что, товарищ? — сказал майор, — ведь он ранен! Фельдшер сюда, скорее!

В самом деле, повязка на руке

телева, «Девушка из Машина» О. Четветной, «Бессмертие» И. Грановского повествует о беспрерывной борьбе полка Чили, Иосифовича, Александр Матросова, Инина и других молодых ребят.

Очерки третьей части книги принадлежат перу молодого поколения очерковиков «Комсомольской правды» Владимир Чили, Михаил Ишнышкин, Леона Понахов, Илья Югенов и другие пишут о героических подвигах лет, о тех, кто в короткий срок соорудил в Донбассе 25 комсомольских шахт, поднимая и низил чужой, обивает Крайний Север, воздвигает новые города, преодолевает самые высокие и на Дальнем Востоке.

Герой нашего времени — это подвиги сынов молодого поколения неистощимого оптимизма, могучей силы, это дух передового мироозерования, у него сильные молодые руки и горячее сердце. Это человек в борьбе. Таним предстает перед читателем со страниц сборника наш современник.

Г. МАРЧИН

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Счастье трудных дорог»

Под таким заголовком издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу о лучших очерков, печатавшихся в «Комсомольской правде» — все рассказы о наших современниках, собранные в этой книге, посвящены о строительной и военной работе на наших предприятиях, в строительстве и в борьбе за светлые идеалы коммунизма. Это коллентный рассказ людей, которые в своем труде и в трудностях преобразуют жизнь, трудят на земле.

Газетный очерк невелик по размеру, многого в нем не скажешь. Но вот небольшие очерки разных лет составили летопись одной жизни, и они составили летопись целой эпохи.

Листавшь книгу — как будто листавшь страницы истории. Перед глазами встают картины незабываемого прошлого, во весь рост поднимаются героические настоящие. Шолохов, Вишневский, Погодин, Фурманов, Дюновский, Гайдар, Понеминский, Перевощиков, Соболев, Инина, Панфилов, Фадеев, Федин и другие писатели, вместе с ними и молодые очеркисты сегодняшней «Комсомольской» — каждый в своей партийной страстности создавая особенный образ героя нашего времени — простого, сильного человека, бойца, труженника, строителя.

Дыханием первых лет революции и гражданской войны веет от очер-

ков, посвященных героическим подвигам полка Чили, Иосифовича, Александр Матросова, Инина и других молодых ребят.

Очерки третьей части книги принадлежат перу молодого поколения очерковиков «Комсомольской правды» Владимир Чили, Михаил Ишнышкин, Леона Понахов, Илья Югенов и другие пишут о героических подвигах лет, о тех, кто в короткий срок соорудил в Донбассе 25 комсомольских шахт, поднимая и низил чужой, обивает Крайний Север, воздвигает новые города, преодолевает самые высокие и на Дальнем Востоке.

Герой нашего времени — это подвиги сынов молодого поколения неистощимого оптимизма, могучей силы, это дух передового мироозерования, у него сильные молодые руки и горячее сердце. Это человек в борьбе. Таним предстает перед читателем со страниц сборника наш современник.

Г. МАРЧИН

поляка промокла насквозь. Прибжавший фельдшер увел его в свою землянку.

Тем временем тут же, в углу траншеи, начался допрос. Пленый оказался фельдфебелем из штаба батальона. Он явился во избежание, который нес службу в боевом охранении, для какой-то проверки. Такой «язык» нам и нужен был. Кужанов и Воробьев рассказали мне, как разведчиком удалось «добыть» его.

Меланов, чтобы не было слышно исплеска, полка первым вошел по пояс в ледяную воду озера. Через несколько десятков метров повернул к берегу; здесь и была та уродливая незаминированная тропка, по которой ночью фашисты ходили к озеру за водой. Наши разведчики-наблюдатели не могли ее видеть: она находилась из обратном скате высотки и шла от озера прямо к дверям блиндажа боевого охранения. Наблюдая за немцами из землянки, полка заметил эту тропинку, ставшую для него дорогой к свободе.

Вышло так, что в течение суток он второй раз ступил на тропинку, но теперь уже не беглоном, а воном.

Во тьме смутно вырисовался доэт. Старший группы лейтенант Виноградов хотел отослать поляка назад, но не тут-то было: он продолжал ползти вперед. Тогда Виноградов схватил его за плечо и повернул в обратную сторону: майор категорически запретил рисковать жизнью полка в момент захвата. Нехота парень уполз вниз по тропинке к озеру. Пять разведчиков неподвижно лежали в тени блиндажа. Терпение — вот что сейчас было их оружием.

Наконец скрипнула дверь доэта, и в луче света блеснула фельдфебельский погон. Плохо ориентируясь в новом для него (как вылезал из полого) месте, гитлеровец неосмотрительно шагнул прямо в сторону разведчиков и в ту же минуту попал в их железные объятия. Мгновения пошли на то, чтобы заткнуть пленному рот и спеленать его по рукам и ногам.

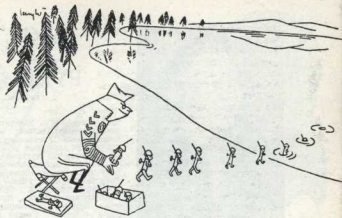
Разведчики быстро пополнили обратно. Оказывается, полка остался на берегу озера вместе с ступицей обессенил. Лишь убедившись, что все возвратилось, он вошел в воду.

Только минут через десять гитлеровца обнаружили «арпажу». Стрельба поднялась неслучайно. Но поздно. Разведчики были уже далеко вместе с пленным, который, как говорят в солдатках, дал ценные показания.

Утром мы отправляли нашего проводника в тыл, в госпиталь. Долог, пока автомашина не исчезла в лесу за поворотом, махали шапками вслед новому другу разведчики...

Очень жалею, что тогда, в горячке фронтных будней, не записал имя того, кто во многом обеспечил успех последующего наступления нашей дивизии. Но, быть может, он прочтет эти строки, вспоминая 1944 год, всхолмленную равнину в двух километрах от Августова... Вспомни и откликнется. И мы слова сможем поблагодарить друга, который самоотверженно помог нам в трудную минуту военной грозы.

С. ВЕРНИКОВ

Если бы Это случилось...

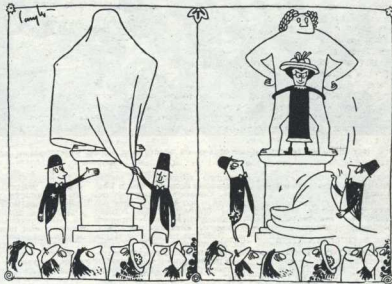
Имя Гюнтера Канцлера широко известно в Германии. Его рисунки не раз включались в ежегодные сборники лучших карикатур мира, издающиеся на Западе.

Это художник не только со своим почерком, но и со своим оригинальным подходом к явлению жизни. Рисунок его прост, незамысловат, пролиставшая сборник карикатур Г. Канцлера, некоторые в первый момент скажут, что это чепуха, бессмыслица. Но только в первый момент. Эти «абсурдности» остроумны, по-настоящему смешны, а иногда берет несуществующую ситуацию и заставляет зрителя поверить в нее: как было бы смешно, если бы это случилось! Это прием художника-умного, чуткого, наблюдательного.

Многие свои рисунки он посвящает разоблачению возмущающегося западногерманского милитаризма.

Гюнтер Канцлер родился в Ганновере. Был матросом, студентом, искусствоведом, военным стрелком, помощником машиниста, лесорубом в дремучих лесах штата Америк. Сейчас ему 33 года.

Чтобы познакомить читателей «Смехом» с творчеством Гюнтера Канцлера, мы публикуем несколько карикатур, принадлежащих его перу.

РУКИ МОЛОДЫЕ, РУКИ ЗОЛОТЫЕ...

Семьяный угодок «Семья», председатель колхоза имени М. Хоза Толь Ситарь.

Три года назад учащиеся старших классов Григорьевской средней школы на Ставрополье, подвигаясь нравственным возвышения «Росси», создали первую в стране учебничскую производственную бригаду. Работать хотели овладеть трудными навыками, подготовить себя в творческой деятельности. Колхоз выделил школьникам землю, инвентарь, оборудование, исполнив работу бригады в общешкольный план. Начал с небольшого участка — всего в двадцать два гектара — бригада перешла затем на огромное поле, построила молочную ферму,

нарушила дисциплину, воспитательное новое, коммунистическое отношение к труду. Их молодые руки смело берутся за большие дела!

Сорос школьники — сорос земляных гостей, лучших бригадиров учебничских производственных бригад — наполнили самую просторную южную редакцию журнала «Смена». Среди гостей были и рыцари полководца Угличина и инженеры-механики Старополя, и молодые зоотехники Пологица, и пионеры Ярославля области, и строители Урала. Всем им было что рассказать о своей учебничской и вместе с тем полной большого смысла и общественного значения работе. И потому каждый кто присутствовал на той встрече, с одинаковым интересом слушал и самого старшего из ребят, девятиклассника Юлю Гальченко из Петрозавского района, Ставропольского края, и тринадцатилетнего крестьянина Толо Ситаря из Молдавии...

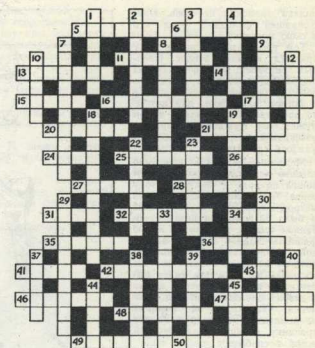
В минувшем году — сначала Юля Гальченко, а затем учебничская бригада вырастала хорошей урожай свеклы, моркови, лука-чернушки. А кукурузы мы собрали с

нах чувствовалась глубочайшая уверенность в силах бригады да, все это будет одинаково!

Рай Имамалова приехала в Москву из уральского города Рая — работала в средней школе № 14 и работала в учебничской бригаде — той учебничской бригаде небольшой — всего лишь двенадцатилетней. Но ребята уже построили огромную мастерскую, в которой оборудовано несколько цехов: слесарный, швейный, ручного труда, товарно-зерновой. Есть у школьников и собственный автотрактор.

— В стрелковой бригаде ребята не только приобретают трудовые навыки, — сказала Рая — Работая на стройках, школьники на практике знакомятся с различными профессиями и могут брать себе специальность по душе.

О радости, которую испытывают ребята-школьники, замечалась производственно-техническим работникам АССР. Арсен Дзюмазов из Пензенской области, участник молдавского села Трейбушу.

КРОССВОРД

Составил В. Донской.

По горизонтали:

5. Знатный электросварщик, двинский Герой Социалистического Труда, 6. Роман Н. Г. Чернышевского, 11. Мировой советский завод, использующий в Антарктиде 13. Крутой порт на острове Синдзия, 14. Выдающийся американский геолог и изобретатель XVIII-XIX веков, 15. Штат с электростанциями, применяемый при дисперсировании, 16. Народное хозяйство страны, 17. Музыкантский дуэт народный инструмент у народа Кавказа, 20. Врач, призывающий к ликвидации устаревшего для повышения квалификации, 21. Учебный академик, возглавляющий строительство первых крупных советских электростанций, 24. Город в Верхнем Египте, 25. Советская поточная станция-автоматизация Беломоро-Балтийского бассейна, 26. Народные боевые растения, 27. Птица, используемая для промышленной охоты, 28. В тискоискусении — пухляк, 29. Пятиклассная основная, 31. Спортивный клуб, 32. Герой Советского Союза, член Юриемского подпольного бюро Коммунистической партии, 34. Родина детства, 35. Лесной голубь, 36. Споспосоевание, 41. Длинночелый зверь, 41. Длинночелый элемент, целлюлозный материал, 44. Летний сорт винограда, 45. Единица измерения

электрического сопротивления, 46. Изобретенный из алюминия инструмент одного вида, 47. Курорт в Тульской области, 48. Роман «Коммунизм», 49. Крупный индустриальный центр Великобритании, 50. Изобретенный инструмент.

По вертикали:

1. Язвядя часть тропи, 2. Морозостойкий осенний сорт яблоки, 3. Белозонный горный порода, 4. Инструмент для выпливания, 7. Крутой порт на острове Синдзия, 8. Роман «Коммунизм», 9. Украинский кинооператор народный художник СССР, 10. Титанский советский писатель, 12. Одна из крупных «малых планет», 18. Автор текста песни «Молодые гвардья», 19. Высшее учебное заведение, 22. Рабочее слово, 23. Часть естественного действия, 29. Оптический прибор, применяемый в моторостроении, 30. Конденсатор почтовых марок, 35. Роман в Южной Америке, 37. Высокоскоростная страна в Средней Азии, 38. Русский писатель, автор «Маленького А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова», 39. Советская стрелковая орудие для зимних работ, 40. Фигура высшего шитья, 44. Перевозные орудия для использования на фортепьяно, 45. Товарищеские отношения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

5. Аллодин, 6. Гринит, 7. Братунь, 8. Дюранд, 9. Волк, 11. Худра, 12. Амур, 15. Деянью, 16. Вереск, 17. Ревадиль, 18. Герасимов, 21. Ватис, 24. Нитеро, 26. Карбид, 27. Поддинг, 28. Меланж, 29. Салин, 34. Грена, 35. Галлон, 36. Пирого.

По вертикали:

1. Кювье, 2. Пропан, 3. «Братунь», 4. Дюранд, 5. Боксер, 6. Янвекс, 10. Африка, 11. Рендольф, 14. Герасимов, 16. «Молодия», 17. Илья, 22. Селитр, 23. Лавсан, 25. Молдавия, 28. Лесбос, 29. Теннис, 30. Татач, 32. Прага.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Лукшин.

На снимке: поэт Иван Молчанов выступает перед участниками встречи.

начала вырабатывать самые ценные сельскохозяйственные культуры. О почве — ставропольские узнала все страна. Его подхватили по многим важным республиканских областях. Не единицы, а тысячи учебничских производственных бригад работают сегодня Родина о своих амальгамных успехах. Время показало, что создание таких бригад — это верный путь приобщения выпускников средних школ к производству. В совместном труде у школьников укрепляется чувство коллективизма, повышается ответственность за порученное дело. Учащиеся воспитывают в себе неприимность и недостаткам,

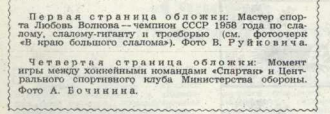
наского гектара на шесть центнеров больше, чем в колхозе. Семьсот тысяч рублей дохода — вот годовой итог работы бригады... Мы горю отключились на привале урожай, Ставрополье садим. Бригада не жалует труда на заблудный уход на садим и виноградниками, которые распустили на площади в три гектара, пять гектаров...

Расказала Коля Гальченко о планах бригады на будущее: о том, что будет у них скоро свой пуд, распирит посевы гибридной кукурузы и пострадают ситя урожай на 15-20 процентов выше колхозного. В его степных, нетеропильных спл-

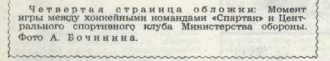
Толь Ситарь — самый юный участник встречи. Но допоздню, у него высокая работа издрала его председателем школьного колхоза. Обстоятельно и с точностью, как побоем настоящего хохму, он рассказывал о делах своего колхоза. И каждый, кто слушал его рассказ, с удивлением думал о юных колхозниках, которые собрали с гектара 24 центнера пшеницы, 21 центнер подсолнечника, 30 центнеров кукурузы, сдани на месо 175 килограмм, получили колхозный доход — 36 тысяч рублей.

Частини встречи познакомились с работой и планами редакции. Перед ними выступили журналисты, писатели, поэты, композиторы. Новые стихи прочли Иван Молчанов, Евг. Долматовский, Игорь Кювье. С большим интересом слушали гости выступление И. Лагутина, рассказывавшего о работе над повестью «Сейраит милиция». Фотографировал В. Темин рассказав, о встрече, А. М. Горьким, Композиторы И. Якушенко и В. Шавинский исполнили несколько новых песен.

Фото Г. Ворникова.

Первая страница обложки: Мастер спорта Любова Волнова — чемпион СССР 1958 года по слалому, слалому-гиганту и трассе «Вираж» (большого слалом). Фото В. Рубиновича.

Четвертая страница обложки: Момент игры между хоккейными командами «Спартак» и Центрального спортивного клуба Министерства обороны. Фото А. Вольгина.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформлено В. Урина.

Учредитель не возвращаются.

Технический редактор О. Швова.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очерки и публицистики, физкультуры и спорта, информации — Д 3-36-90, писем — Д 3-31-69, оформления, иллюстрирование — Д 3-34-22.

А 06624. Подписано и печатно 31.01.1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 249. Заказ № 54. Формат бумаги 70x108/16. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л. Отдана в печать типографией газеты «Правда» имени Н. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунки
И. Оффенгадена

НАША МУЗА ПОСЛЕ ВУЗА

Вуз окончен.
Наша Муза
Большая маме не обуза:
С этих пор девицу уж
Содержать берется муж.

Игорь МАРТЯНОВ
г. Иваново

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Ефим Бутылкин подгулял на славу.
Продолжа попойку в канаву.
Он примном направился домой,
О чем-то рассуждая сам с собой,
Валыш спросил его: «Скажи мне,
Вы с кем же, дядя, говорите?»
«Кем с кем? С собой!» — сказал Ефим.
«Да бросьте, дядя, говорить
Вы с пьяницей таким!»

г. Сталинград.

Вл. ЗУБИХИН

Одноклассники

Здесь был человек, молчок не...

...везет и же, никак, се, для одноклассника команда на, дед на палачи их...

Мелодия

Милити тебда стрелы... тебда стрелы... тебда стрелы... тебда стрелы...

Одноклассники

...тебда стрелы... тебда стрелы... тебда стрелы... тебда стрелы...

Крот

Крот, зель зель...

КОРОТКИЕ БАСНИ

САМОНАДЕЯННЫЙ ПЕТУХ

Увидев с крыши
Быструю Ракету,
Петух
Вскричал надето:
— Догони!
И упустил
Всю Землю,
Всю планету!
Взмахнул крылом
И полетел...
К летию.

ЗМЕЯ

Змея
От века
Так живет:
Мешает кошку
Кандый год,
Но под оденцовою лисой
Змея
Останется
Змеяй.

ЛИСА

Лиса
Любую красоту
Определяет
По хвосту.

КРОТ

В норе живет
Угрюмый Крот;
Рассвета
Он не признает:
По загниванию Крота,
Всего нулевее
Темнота.

Михаил БЫКАДОРОВ
г. Ташмент.

Богобоязненный безбожник

Слова В. ВЕРЕСТОВА.

Хоть были комсомольцы
Невеста и жених,
Седой священник кольца
Наден на палачи их.

«Я— молвит тебда строго,—
Тебе вторая мать!»
Бьются тебда бога,
Бьются тешу зятя!

Осенний дождик капал,
Носясь по сторонам,

Музыка К. АКИМОВА.

Неверующий папа
Илладенца нес по храм:

К церковному порогу
Явился он ослыта;
Бьются тебда бога,
Бьются тешу зятя!

Как это ни печально,
Его вторая мать
Была принципиальной,
Чем комсомольца-зятя!

Цена номера
2 руб.

